Другие правила

Автор:
Дмитрий Евдокимов

Другие правила

Дмитрий Викторович Евдокимов

Князь Холод #2Современный фантастический боевик (АСТ)

Враг разбит, дама сердца освобождена из неволи, остались в прошлом гонения инквизиции, застенки Сыскного приказа и военные неудачи. Вчерашний Сергей Прохоркин теперь не только всеми любимый и уважаемый князь Бодров, но и живое воплощение героя старинных легенд – Князь Холод. Казалось бы, можно вздохнуть свободно, расслабиться и пожить в свое удовольствие, но почивать на лаврах не получается. То царевича Алексея нужно выручать из заварухи в соседней Силирии, то Улория и Фрадштадт пытаются отнять недавно отвоеванные земли. Да еще и его самого могущественные враги сочли опасной фигурой, решив убрать с игровой доски. Переиграть таких оппонентов нет никакой возможности. Но это если играть по их правилам…

Дмитрий Евдокимов

Князь Холод: Другие правила

Капитан Джон Олстон по праву считался одним из лучших полевых агентов иноземного отдела Тайной канцелярии фрадштадтской Короны. Порукой тому служили десятки успешных миссий на материке за пятнадцать лет безупречной службы. Куда только ни забрасывала Джона судьба! Арниания и Криол, Уппланд и Рангорн, Улория, Тимланд, Закатные острова и даже Новый свет – везде бравому офицеру его величества короля Георга Второго сопутствовали удача и успех. Потому-то поначалу новое назначение в отсталую и скучную, погрязшую в грязи и дедовских предрассудках Таридию было воспринято им с известной долей раздражения. Неужели к этим лапотникам нельзя отправить кого-то менее опытного? Тем более сейчас, когда Джон наладил столь необходимые для работы связи при королевском дворе Уппланда?

Впрочем, вскоре выяснилось, что вкупе с блестящей репутацией именно последние два года жизни в уппландской столице Ольбеке немало поспособствовали выбору именно его кандидатуры – кожу капитана успел покинуть южный загар, отличающий большинство подданных благословенных Фрадштадтских островов, что позволяло Олстону практически не отличаться по внешнему виду от местных жителей. В городах это было не столь важно, поскольку и в Южноморске, и в Усолье, и в Ивангороде хватало фрадштадтских купцов, к которым все давно привыкли и среди которых можно было легко затеряться. Но проблема была в том, что лорда Вулбриджа интересовали северные территории Таридии, гораздо менее густонаселенные и доступные иностранцам. И в Холодном Уделе, и в районе «Кузнецкой мануфактуры № 1» любой смуглокожий человек будет так же незаметен, как медведь на ярмарке.

Таридия начала удивлять капитана еще до того, как он ступил на ее землю. Вид строящихся фортов Южноморска произвел на Олстона большое впечатление. Вскоре главная морская гавань Таридийского царства окажется под надежной защитой мощных береговых батарей. А ведь Джон знал о существующих планах отнять у ненадежных соседей этот важнейший порт либо передать его под управление кому-то из союзников Короны. Судя по всему, теперь осуществить эти планы будет невероятно сложно, ибо сейчас Южноморск обладал укреплениями, которым мог бы позавидовать даже самый защищенный в мире порт – порт Фрадштадта.

Здесь же разведчика ожидала и небольшая неприятность – все прибывающие были аккуратно переписаны поднявшимися на борт офицерами пограничной стражи. Лишних вопросов пограничники не задавали, да и легенда у Джона была заготовлена, но небольшой осадочек от попадания в списки прибывших всё

равно остался. Знал бы заранее об этом – договорился бы с контрабандистами. На всякий случай.

Но это было только начало. В Южноморске царил настоящий строительный бум – словно грибы после дождя росли новые дома, дворцы, магазины и склады, возводились вышки пожарной охраны, новые мосты, расширялись и мостились булыжником улицы. А к западу от порта уходили вдаль уже работающие и только строящиеся мануфактуры. Последний факт особенно взволновал фрадштадтского капитана, поскольку еще совсем недавно считалось, что Таридия и мануфактуры – это понятия несовместимые.

Дальше – больше. Рядом со старой дорогой от Южноморска до Усолья отсыпался совершенно новый тракт, причем отсыпался капитально, битым камнем, с проливкой водой и утрамбовыванием. Местные с гордостью называли его «царским трактом» и наперебой спешили похвастаться перед иноземцем слухами о том, что такие тракты будут построены от столицы ко всем крупным городам царства. Прежде дороги такого качества Олстон видел только на Фрадштадтских островах, но Фрадштадт на то и считается самой передовой страной мира, чтобы иметь такие дороги!

Таридия явно была на подъеме. Так что уже к исходу первого дня в новой стране капитан перестал считать свою миссию ничтожной. Такими темпами через пять-шесть лет она превратится в опасного конкурента благословенных островов, а этого король Георг допустить не может.

В Ивангороде пришлось от греха подальше сменить легенду, поскольку, едва заслышав о заселении в его гостиницу ищущего работу инженера-строителя, радушный хозяин едва не потащил Джона знакомиться с проживающим тут же известным ученым Самюэлем Уотсоном, прибывшим, между прочим, из Фрадштадта преподавать в местном университете.

Сославшись на срочные дела в городе, Олстон избавился от внимания назойливого хозяина и в тот же вечер перебрался в другую гостиницу, где представился уже просто торговым агентом.

Ивангород тоже бурлил. Шумели торговые ряды, расширялись и одевались в камень улицы, ремонтировались фасады и строились новые дома, с невероятной скоростью вырастали на окраинах новые мануфактуры.

На устах же у всех в эти дни была свежая новость о внезапной кончине силирийского великого князя Богдана и о столь же внезапно возникших притязаниях короля Улории Яноша на часть территорий соседа. Ах, Янош, Янош! Ты красивый, образованный, решительный мужик, не лишенный полководческого дара, но ты плохой хозяйственник и еще более плохой политик! Ну кто тебя надоумил вылезать со своими претензиями к Силирии? Тем более сейчас, сразу после кончины правителя? Джон не был посвящен в планы своего руководства, но знание общей концепции внешней политики Фрадштадта и долгое нахождение внутри системы позволяло ему встраивать происходящие «случайные» события в стройную череду шагов, призванных поддерживать выгодный Короне миропорядок. Таридийский царевич Алексей скоро должен был сочетаться законным браком со старшей дочерью князя Богдана Стефанией и в данный момент находился в силирийской столице. То есть при определенном развитии событий младший сын Ивана Шестого вполне может претендовать на должность регента при малолетнем наследнике Дарко. Что в свою очередь должно возмутить местных магнатов. Капитан не мог поручиться за неслучайный характер смерти силирийского монарха, но то, что его смерть должна была бросить тень именно на отношения этой северной страны с Таридией, было ясно как божий день. Так бы всё и вышло, если бы главный улорийский умник хотя бы пару месяцев спокойно посидел в своем дворце! Теперь же различные силирийские партии могут вынужденно объединиться перед лицом общей угрозы, зовущейся Яношем Первым, и закончиться дело может заключением того самого союза с Таридией, который так нежелателен Фрадштадту. Служащим иноземного отдела, отвечающего за Силирию, теперь придется приложить вдвое больше усилий для достижения целей Короны. Впрочем, Джона это точно не касалось.

В Кузнецке Олстон неделю добросовестно ходил по оружейным лавкам и представительствам различных мануфактур, узнавал цены на ружья, пистолеты, штыки и шпаги. Даже закупил особо приглянувшиеся образцы для большего соответствия выбранной роли. Правда, по своим качественным характеристикам всё оружие оказалось довольно-таки посредственным, из-за чего было благополучно утоплено в ближайшей речке – не таскать же с собой эту груду железа!

Но всё это были лишь цветочки частного предпринимательства, попасть на принадлежащую государству «Кузнецкую мануфактуру № 1» удалось лишь на десятый день, когда Джон свел знакомство с флегматичным мужичком, каждый день отгонявшим на хорошо охранявшуюся территорию полную телегу продуктов.

– Вяленое мясо, окорока, копчености, – вяло ответил на вопросы о своем грузе Микола Сидоров, – а напарник на неделю отпросился, в деревню на свадьбу брата поехал. Придется неделю за двоих повкалывать.

– Зачем же на мануфактуре продукты? – искренне удивился Олстон.

– Так ведь это… работники столуются в обед за счет казны, – спокойно ответил мужик.

– Так, может, я поработаю твоим напарником? – глядя на заросшего рыжей бородой возницу честными глазами, поинтересовался Джон, благоразумно решив не заострять внимание местного жителя на вопросе питания. На его родине работники имели право на обед, но питались исключительно принесенными из дому продуктами.

– Да зачем тебе, мил человек? – на этот раз удивился Микола. – Ты ведь не бедствуешь, по всему видно, за такие гроши работать не станешь.

– Видишь ли, друг мой Микола, поспорил я с одним человечком, что хотя бы одним глазком, но взгляну на знаменитую мануфактуру изнутри. На десять золотых рублей поспорил. И два из них станут твоими, если ты возьмешь меня в напарники.

– Чего ж не взять-то? – равнодушно пожал плечами Сидоров, хотя глаза его жадно заблестели при виде золота. – Спор – дело хорошее. Поглядишь на мануфактуру!

Если Микола Сидоров и рисковал, то не многим. Столовая и продовольственный склад с ледником располагались на самой границе охраняемой зоны, и увидеть что-либо важное там было невозможно. Одетый в поношенную одежду возницы Джон в первый же рабочий день, попытавшись изобразить из себя мучающегося животом, направился было к ближайшим кустам, да был остановлен зычным окриком Миколы:

– Туалеты вон там! – рука возницы вытянулась в направлении стройного ряда маленьких аккуратных дощатых кабинок. – И руки не забудь опосля помыть!

– Это еще зачем?

– Затем, что через грязные руки много болезней бывает! – назидательно подняв вверх палец, провозгласил Сидоров.

Как бы то ни было, но опытный разведчик своего добился. Двух дней хватило Олстону, чтобы приметить расположение постов охраны, маршруты и интервал движения патрулей. На третий день он уже не стал выходить на работу – весь день отсыпался. Зато ночью проник за охранный периметр мануфактуры и двое суток провел на территории, умело прячась от охраны на крышах зданий или среди куч с рудой.

Выводы были неоднозначными. Здесь отливали из чугуна пушки и ядра, а также изготавливали ружейные стволы. На взгляд неспециалиста, всё это было качества приличного, но фрадштадтских высот не достигало. Можно было усмехнуться и махнуть рукой на незадачливых туземцев, старающихся встать вровень с подданными короля Георга – годик-другой помучаются и бросят. Но если не бросят, то Таридия скоро не будет нуждаться в закупках вооружения на Островах. Свято место пусто не бывает, не будут покупать таридийцы, значит, больше достанется их соседям – улорийцам да тимландцам, но сам факт самостоятельного производства оружия может оказаться дурным примером. И, по мнению капитана, подобные поползновения следует пресекать на корню.

Но было и кое-что похуже самостоятельного производства пушек. У Джона не было никакой возможности попасть в небольшую, но самую охраняемую часть мануфактуры, однако на основании того факта, что на закрытую территорию постоянно въезжали подводы, груженные серой, селитрой и древесным углем, можно было без труда сделать вывод о производстве там пороха. Вот это уж новость так новость! Самый качественный порох, само собой разумеется, производится на Фрадштадтских островах, и доходы от его продаж составляют существенную часть бюджета Короны. Кустарным способом порох делают где угодно, но вот так, на мануфактуре, да еще принадлежащей государству – это уже прямое покушение на благосостояние родины Олстона! Лорд Вулбридж будет незамедлительно проинформирован о сем возмутительном факте!

Джон готов был плакать и смеяться одновременно, когда накануне отъезда из Кузнецка в обычном трактире подслушал разговор подвыпившей купеческой компании, активно обсуждавшей перспективы продаж продукции «Кузнецкой мануфактуры № 1», в том числе и пороха, который неоднократно удостаивался

эпитета «лучше островного». Черт побери, неделя мучений могла быть заменена одним лишь ужином рядом с нужной шумной компанией!

В Белогорске всё было гораздо спокойнее. То ли на столицу самой северной таридийской провинции у казны не хватало денег, то ли планы на эти земли были другие, но строительный бум был здесь на порядок ниже, чем в уже посещенных Джоном крупных городах. Зато столица Севера Таридии была наполнена студентами: в городе только-только начал работу местный университет, и слух Олстона неприятно резали имена мировых научных светил, принявших приглашение преподавать в нем. Причем в их числе было и несколько фрадштадтцев, что уже вовсе не лезло ни в какие рамки.

Еще достойным внимания разведчика был слух о расширении порта в Мерзлой Гавани. Там деревянные здания и причалы сменялись каменными, спешно возводился новый маяк, а на местной верфи заканчивалось строительство крытого сухого дока. Как таридийцы это сделали и для чего он им нужен в столь холодном месте, как Мерзлая Гавань, оставалось только догадываться.

Про Холодный Удел и его хозяина князя Бодрова в Белогорске говорили исключительно с гордостью и уважением. Народ поголовно восторгался военными успехами Бодрова, а уж романтическую историю про то, как ради вызволения похищенной невесты им был отбит у самого короля Яноша целый Корбинский край, капитан успел услышать примерно в двадцати вариантах, один невероятнее другого.

В личном поместье князя сейчас активно расширялась площадь теплиц, обогреваемых за счет горных термальных источников, а доверенное лицо Бодрова, некий Владимир Ильич Чайкин, сумел поставить дело таким образом, что даже зимой свежие овощи поступали на рынки ближайших городов и отправлялись в Ивангород.

Из Белогорска, кстати, строилось сразу три дороги: на Клинцы, Зеленодольск и на Мерзлую Гавань. От последнего тракта ответвление вело в Холодный Удел. Но посещение поместья знаменитого князя Джон оставил на потом. Прежде он, следуя на безопасном отдалении от воинского обоза, отправился в весьма интересную горную долину, именуемую среди местного населения не иначе, как «полигон».

Дорога к вожделенному полигону охранялась, капитану дважды пришлось обходить по широкой дуге сторожевые посты, и только лишь для того, чтобы найти единственный вход в долину накрепко перекрытым. Проклиная на все лады скрытных таридийцев и отправившего именно его в эту глухомань лорда Вулбриджа, Олстон потратил целый день на поиск пути, позволившего взобраться на вершину окаймляющей долину горной гряды. Расположившись среди зарослей густого кустарника, фрадштадтский разведчик трое суток практически не расставался с подзорной трубой, внимательно наблюдая за происходящими на полигоне событиями.

Впрочем, ничего экстраординарного в горной долине не происходило. Тренировались кавалерия и пехота, тренировалась артиллерия. Ничего необычного, за исключением самого факта, что таридийское царство нынче могло себе позволить не экономить ни на ядрах, ни на порохе. Всё это было интересно, но вряд ли являлось поводом для беспокойства Короны.

Вернувшись через лес на тракт, капитан Олстон посетил-таки Холодный Удел, но это северное поместье не произвело на него никакого впечатления. Не задержавшись там и дня, он отправился в обратный путь. И спустя две недели в Южноморске ступил на палубу корабля, направляющегося в Фрадштадт. Его ознакомительная поездка была окончена, пришло время получать точные инструкции.

Неделю спустя подполковник контрразведки Таридии Петр Сергеевич Ольховский захлопнул папку с делом Джона Олстона, откинулся на спинку стула и устало прикрыл глаза. За работой он снова потерял счет времени и опять засиделся на службе за полночь. А это значит, он снова не выспится и жену с дочками увидит только за завтраком. Ничего, все эти неудобства можно потерпеть ради первых служебных успехов.

Громких побед у недавно созданной службы с чудным и непривычным названием еще не было. Все служащие, от последнего писаря до весьма неожиданно назначенного главой нового образования в составе Воинского приказа Ольховского, еще только привыкали, учились исправно выполнять свою работу. Потому-то Петр Сергеевич готов был плясать от счастья, когда сошлись донесения из Уппланда, Фрадштадта и Южноморска, подтверждающие прибытие в страну опытного шпиона с Островов. Руки чесались схватить его, бросить в темницу и выпытать всё, что знает, но курирующий их службу князь

Бодров только покачал головой в ответ на это. И был тысячу раз прав! Установив за Олстоном ненавязчивую слежку, удалось не только безболезненно выяснить цели его прибытия, но и подкорректировать в нужном направлении получаемую вражеским разведчиком информацию.

Фрадштадтцу в Кузнецке старательно подсовывали устаревшую продукцию – благо, не всё успели пустить в переработку, а на северном полигоне второй Белогорский пехотный полк и зеленодольские гусары трое суток вынуждены были не столько тренироваться, сколько изображать бурную деятельность. В итоге шпион не увидел ни одного нового образца вооружения и не получил никакого представления о новых возможностях таридийской армии. Правда, не удалось сохранить в секрете производство пороха на царевой мануфактуре, ну так шила в мешке не утаишь – сегодня об этом знает весь Кузнецк, завтра будет знать вся страна. В конце концов, перед Ольховским не ставилась невыполнимая задача утаить всё, нужно лишь было убедить вражеского лазутчика в глубине пропасти, отделяющей в техническом плане Фрадштадт от Таридии. И это удалось. Князь Холод будет доволен. Доложить бы ему прямо с утра, порадовать, да не судьба – уехал он с царевичем Федором на юг, Южноморск инспектировать.

2

Чтобы попасть в это приглянувшееся царевичу Федору несколько лет назад место, нам пришлось сделать изрядный крюк. На утес, возвышающийся на добрых двадцать метров над поверхностью моря, мы поднялись вдвоем с наследником таридийского престола. Натали, охрана и прочие сопровождающие лица по распоряжению царского сына наверх с нами не пошли. Солнце уже приближалось к зениту, и морская гладь радостно искрилась, заставляя нас щурить глаза. Редкое дело – сегодня у южных берегов Таридийского царства наблюдался штиль.

– Смотри, Холод, смотри, – царевич восторженно повел рукой слева направо, демонстрируя мне бескрайнюю водную гладь, – что ты видишь?

– Море, – осторожно ответил я. Не хотелось расстраивать Федю, но вид моря не вызывал у меня чувства восторга, и это еще мягко сказано.

– Это не просто море, – Федор назидательно поднял вверх указательный палец, – Южное море. А это незамерзающие порты, доступ к торговым путям во все страны мира и дорога к новым, неизведанным землям! То есть это источник богатства и могущества.

– Всё это хорошо, но у этого моря есть хозяева, – скептически заметил я.

– Нет у моря хозяев, – твердо заявил царевич, – есть лишь люди, таковыми себя считающие. Я не ставлю цель победить фрадштадтцев на море, но я хочу иметь флот, способный отстаивать интересы Таридии в любом уголке мира!

– Ты же знаешь, что без столкновения с Островами в этом случае не обойтись.

– Знаю, Миха, знаю. Но я верю в свою страну и верю в тебя.

– Эй-эй, ваше высочество, – я предостерегающе поднял руки ладонями вперед, – я в морском деле ничего не смыслю. Мне бы землицу под ногами ощущать для спокойствия!

– Я и не рассчитываю, что ты станешь морским волком, – рассмеялся царевич, – но я точно знаю, что ты придумаешь что-нибудь эдакое, что даст нам преимущество над надменными островитянами.

– Для этого нужно время, – услышав, что меня не собираются заставлять воевать на море с Фрадштадтом, я несколько успокоился. Мне бы на суше утвердиться и семью свою обезопасить от всевозможных нападок завистников и прочих нехороших людей, а тут Федор Иванович со своей вечной мечтой о море. – Хотя бы пять лет. Спокойных лет, без войн и прочих катаклизмов.

– Насчет пяти лет не знаю, – тяжело вздохнул Федор, – сложно всё, сам знаешь. Потому лучше бы нам поторопиться.

– Всё как всегда, – вздохнул я.

– Всё как всегда, – подтвердил царевич, решительно разворачиваясь к спуску с утеса, – едем, граф Измайлов нас еще с утра ожидал…

Среди ночи я проснулся от сильнейшего озноба. Тело била крупная дрожь, болела голова, бурлил желудок. Едва я успел добраться до ночной вазы – будь неладен старомодный дом графа Измайлова неподалеку от Южноморска с отсутствующими удобствами, как весь мой ужин благополучно попросился обратно. Испуганно подскочила с постели Натали:

– Миша, что с тобой?

– Всё нормально, – сдавленно ответил я, дождавшись перерыва между двумя приступами рвоты. – Что-то не то съел.

Хотел было сострить про лишнее выпитое, но Наталья прекрасно знала, что за ужином я почти не пил. Да и в те редкие случаи, когда я позволял себе перебрать алкоголя, последствия для меня ограничивались одной лишь головной болью.

– Тебя отравили! – с ужасом воскликнула супруга, накинула на плечи халат и исчезла за дверью гостевой спальни прежде, чем я успел ее остановить.

– Что за ерунда? – недовольно пробормотал я ей вслед.

Вот и куда, спрашивается, побежала ночью? Растрезвонит сейчас на весь дом, что у мужа желудок прихватило, сраму потом не оберешься. Ну, с кем не бывает? Всего-навсего какие-то продукты оказались несовместимыми и вызвали у меня вот такую реакцию. Или грибочки какие-нибудь экзотические не пожелал переварить мой желудок, или вовсе виной всему высокая температура как следствие простуды. Правда, никакой простуды у меня перед сном не наблюдалось, а за те три года, что я существовал в этом мире в теле князя Бодрова, желудку моему чего только не пришлось попробовать, и никогда он меня не подводил. Тем более подобным образом. Да и вообще на здоровье мне здесь было грех жаловаться – за всё время лишь пара случаев легкого насморка. Так, может, Натали права и нет дыма без огня?

Да ну, бред какой-то! Кому нужно меня травить? Нет, я нынче весьма важная персона: генерал-майор, доверенное лицо государя, заместитель начальника Воинского приказа, председатель экспериментального оружейного бюро, куратор недавно созданной службы контрразведки, герой войны, главный номинант на звание легендарного Князя Холода, да и просто друг и дальний

родственник обоих наследников престола. Но чтобы вот прямо так стоять у кого-то поперек горла, что меня решили отравить. Не могу поручиться, но кажется полнейшим бредом…

Ах, черт! Что же я всё о себе да о себе? Я ужинал в компании царевича Федора и графа Измайлова; Натали и графиня ограничились фруктами и вином, следовательно, я мог случайно попасть под раздачу! Конечно же, целью отравителей является царевич!

– Федя! – ужасная мысль заставила меня броситься к выходу, но от слабости ноги заплелись, и я грохнулся на пол. С трудом поднялся, несколько мгновений постоял, пережидая приступ головокружения. Взгляд мой сфокусировался на висящей на спинке кровати шпаге в ножнах, и мне показалась очень удачной мысль прихватить ее с собой.

На этот раз мне удалось покинуть гостевую спальню, но в коридоре я нос к носу столкнулся с Игнатом Лукьяновым и Сашей Иванниковым, моим личным помощником и секретарем.

– Ваше сиятельство, что случилось?

– Что с вами, Михаил Васильевич?

– К царевичу, быстро! – прохрипел я, хватаясь для надежности рукой за дверной косяк. – Быстро!

– Миша! – появившаяся в коридоре Наталья попыталась остановить меня. – Тебе к лекарю нужно!

– Потом, потом! Нужно Федора спасать!

Игнат с полуслова оценил серьезность ситуации и мигом умчался в сторону покоев наследника престола, а Иванников замешкался, заметался между мной и Федором Ивановичем. Пришлось направить молодого товарища, придать ему дополнительное ускорение. Я попытался последовать за своими подчиненными, но, едва оторвавшись от дверного проема, потерял равновесие и не оказался на полу лишь благодаря помощи супруги.

– Миша!

– Всё хорошо, всё хорошо! – переждав момент очередного приступа головокружения, я двинулся-таки к комнатам Федора.

А в графском доме царила нездоровая суета! Растрепанные слуги взволнованно суетились у хозяйских покоев – ох, чую, Измайлову тоже нехорошо. А вот и тот, кто мне нужен: мимо меня попытался проскочить человек в криво нахлобученном на голову парике и с объемным саквояжем в руке. Местный лекарь, и явно из иностранцев.

– Стоять! – вытянув руку со шпагой, я заставил незнакомца испуганно замереть на месте. – Лекарь?

– Так точно, – с ужасом глядя на маячивший в опасной близости от его горла обнаженный клинок, ответил местный врачеватель с явно выраженным фрадштадтским акцентом.

– За мной! – скомандовал я, разворачивая опешившего чужестранца в нужную мне сторону.

– Но позвольте… – попытался было воспротивиться он, беспомощно указывая рукой на графские покои.

– Если царевич умрет, – прошипел я, борясь с новым приступом тошноты, – я в этом доме живых не оставлю!

Ничего такого у меня и в мыслях не было, но должное впечатление мои слова вкупе с не самым здоровым видом произвели. Даже знающая меня лучше всех на свете Наталья вздрогнула, представив себе нарисованную мной мрачную картину, что уж говорить о лекаре-иностранце, видевшем меня впервые.

Таким образом, в сопровождении супруги и фрадштадтца я все-таки добрался до дверей, ведущих в покои наследника таридийского престола. А у дверей уже назревал конфликт. Двое часовых с прибежавшим на шум дежурным офицером наотрез отказывались впустить на охраняемую территорию Лукьянова и Иванникова, и правильно делали! Служба у них такая – никого к царевичу не

впускать без приказа, особенно ночью. О чем только я думал, отправляя ребят вперед себя одних?

– Ваше сиятельство! – взвыл дежурный капитан Ильин, завидев в моей руке еще и обнаженную шпагу. – Нельзя! Тем более с оружием!

– Ильин! – обратился я к капитану. – У нас чрезвычайные обстоятельства! Открывай! Под мою ответственность! Если всё хорошо, лично за всё отвечу, если не хорошо, то счет может идти на минуты!

Принимать решение Ильину не пришлось. Щелкнул замок, и из-за дверей показалась заспанная физиономия Савелия – личного слуги царевича.

– Что случилось?!

Не имея больше ни сил, ни терпения кому-либо что-либо объяснять, я распахнул двери и решительно вошел внутрь, снова покачнувшись, едва только Натали была вынуждена отпустить мою руку.

– За мной!

Дверь спальни Федора Ивановича оказалась не заперта, а света от огромного подсвечника в руках Савелия было достаточно, чтобы сразу разглядеть наполовину свесившееся с кровати тело царевича.

– Федя! – заорал я и, позабыв о собственной слабости, бросился к своему другу и начальнику.

В один миг преодолев разделяющее нас расстояние, я схватил царского сына за плечо и потянул вверх, пытаясь одной рукой втянуть его обратно на постель – другая рука по-прежнему сжимала рукоять шпаги. Влажная ткань ночной сорочки выскользнула из моей руки, и тело Федора снова качнулось вниз. То ли так совпало, то ли мое вмешательство послужило катализатором процесса, но в этот самый момент Соболева-среднего стошнило, благодаря чему мне стало ясно, что он жив.

Тут подоспевшие Савелий, Игнат и Иванников подхватили царевича и уложили на кровать, а Наталья Павловна, несмотря на сопротивление Ильина, не желавшего впускать чужеземца к наследнику престола, втянула-таки в спальню фрадштадтского лекаря.

– Дайте больше света! – неожиданно громко скомандовал фрадштадтец, решительно отстраняя Савелия от больного. Лукьянов и Сашка Иванников кинулись зажигать все имеющиеся в комнате свечи.

– Теплой воды и молока! Быстро! – отдал очередное распоряжение лекарь, раскрывая свой саквояж.

– Игнат, сделай! – попросил я своего ординарца-телохранителя, здраво рассудив, что опытный Лукьянов справится с подобным заданием быстрее молодого и застенчивого Иванникова.

– Капитан, – как только Игнат исчез за дверью, обратился я к Ильину, – пошли человека к дежурным во дворе с приказом: никого из поместья не выпускать!

Ильин отошел к дверям для отдачи распоряжений, а я обратил свой взор на лекаря. Тот сосредоточенно смешивал в металлической плошке какие-то порошки, время от времени поглядывая на лицо Федора Ивановича. Выглядело всё так, будто он точно знает, что делает, но насколько можно ему доверять?

– Как вас зовут? – поинтересовался я.

– Георг. Георг Карлович Мейнинг.

– Георг Карлович, он жить будет?

– Да! – решительно ответил Мейнинг. – Но нужно спешить!

С двумя ковшами в руках в комнату вбежал Лукьянов, и лекарь тут же залил приготовленную смесь порцией молока, попутно заставив Савелия протереть смоченным в воде платком лицо царевича.

Ко мне вернулась слабость, тело вновь стал бить озноб. Я только сейчас обратил внимание на ночную свежесть в комнате, несмотря на ярко пылающие в камине дрова. Откуда холод? Следуя простейшей логике, бросил взгляд в сторону уличной стены и обнаружил, что плотные, практически не пропускающие лунный свет портьеры мерно колышутся под воздействием холодного ветра. Оба окна были открыты настежь! Что за черт? Осень на дворе, и даже здесь, в окрестностях Южноморска, по ночам уже достаточно свежо.

Оттолкнувшись от спинки кровати, я направился к ближайшему окну, так сказать, исправить данное недоразумение. Не иначе плохое самочувствие повлияло на работу моего мозга. Ничем иным нельзя объяснить проявленную мной непростительную беспечность. И я до сих пор не знаю ответа на вопрос, благодаря чему остался жив той ночью: то ли собственная реакция спасла, то ли мой ангел-хранитель ни на мгновение не оставлял меня без своего внимания.

Как бы то ни было, но я успел отпрянуть назад ровно настолько, чтобы проткнувшее плотную портьеру жало кинжала остановилось в считанных сантиметрах от моего лица. Не раздумывая, я ударил шпагой в ответ – наконец-то было оправдано мое маниакальное желание таскать ее с собой. Клинок нашел свою цель, и из-за шторы начало заваливаться в сторону чье-то тело. Но времени на разглядывания не было, поскольку оттуда же на меня выскочил одетый в темную одежду и вооруженный полушпагой человек. Лицо его было скрыто черной матерчатой маской. И самым скверным было то, что он был не один – из-за соседней портьеры выметнулись еще двое господ в черном, и устремления их были направлены уже не на меня.

– Тревога! – крикнул я, подставляя под удар короткого клинка нападающего эфес своей шпаги. Фехтовать не позволяли ни теснота помещения, ни сразу сокращенная противником до минимума дистанция, поэтому я изо всех сил ударил его лбом в лицо – может, не эстетично, зато действенно. Человек в черном отшатнулся и получил вдогонку еще и удар эфесом в голову, после чего уже я изловчился и нанес поставивший точку в этом противостоянии укол шпагой.

С ужасом понимая, что всех моих усилий может оказаться недостаточно, чтобы защитить находящихся за моей спиной Наталью и совершенно беспомощного Федора, я крутанулся на пятках, едва не потеряв равновесия от резкого движения, и был преисполнен решимости хотя бы в прыжке дотянуться до супостатов.

К счастью, мои спутники тоже оказались не лыком шиты. Иванников остановил одного из нападавших, резко ткнув его тяжелым подсвечником в лицо. Этой заминкой блестяще воспользовался Ильин, успевший выхватить шпагу и в глубоком выпаде проткнуть ночного гостя насквозь. С ловкостью дикой кошки Игнат прыгнул на последнего противника, заставив тем самым изменить траекторию, а в следующий миг в руке моего телохранителя оказался небольшой нож с узким лезвием. И этот самый нож он вогнал незваному гостю прямо в глаз. Не очень хорошо получилось, ибо это был наш последний шанс захватить живьем пленника. Впрочем, нашел, на что жаловаться…

Эта мысль была последней, посетившей мою бедную голову в эту ночь: как только я убедился в ликвидации опасности, мой измученный отравлением и чрезмерным напряжением сил организм отключился…

…Очнулся я днем в своей постели. Нежаркое осеннее солнце через окно светило мне прямо в левый глаз. Упершись руками в перину, я подтянул тело к спинке кровати, принимая полусидячее положение. Как ни ничтожен был произведенный мной шум, но дремавшая в кресле рядом с кроватью Наталья моментально открыла глаза.

– Миша! – в голосе супруги сквозила усталость, я понял, что она не отходила от меня с самой ночи. – Георг Карлович сказал, что ты проспишь часов до шести вечера.

– Да как-то выспался уже, – чувствовал я себя вполне сносно, лишь голова немного побаливала. – Что Федор?

– Всё в порядке, уже час как пришел в себя. А вот до Измайлова лекарь добрался в последнюю очередь и едва успел. Графу тяжелее всех пришлось.

Жив, да и ладно. Пусть впредь больше времени уделяет подбору персонала, тем более если приглашает в дом столь важных персон.

– Дорогая, позови-ка ко мне этого самого лекаря, а сама ступай спать. Со мной уже ничего не случится. По крайней мере, сегодня.

Натали медленно поднялась на ноги и направилась уже было к двери, но потом неожиданно быстро развернулась и, бросившись мне на грудь, разрыдалась. Ох уж эти женские слезы!

– Всё хорошо, любимая, всё хорошо, – растерянно приговаривал я, поглаживая ее по голове и плечам, – всё хорошо.

– Я так испугалась, Миша, так испугалась!

– Я и сам испугался, но всё ведь обошлось.

– Я только начала привыкать к спокойной жизни, только почувствовала себя защищенной, а тут такое!

– Я со всем разберусь, родная, обещаю тебе! – Чего только ни пообещаешь, чтобы прекратить рыдания любимой женщины. Я действительно был полон решимости разобраться во вчерашнем происшествии, но вот уверенности в том, что удастся полностью обезопасить себя от происков врагов в будущем, у меня не было. Похоже, что наши недруги взялись за царевича Федора всерьез. Ну, а лес рубят – щепки летят, вчера вот нам с Измайловым «прилетело» рикошетом. Вот только странно всё как-то, неправильно: и яд, и тут же – ночные убийцы. Масло масляное.

К моему немалому облегчению, в этот момент в двери просунулась голова Игната:

– Наталья Павловна, – если бы я еще спал, то от шепота Лукьянова точно бы проснулся, – о, ваше сиятельство, доброго дня! Тут лекарь к вам просится. Пустить?

– Подожди минуту! – ответил я, указывая глазами на княгиню.

Впрочем, рыдать при посторонних гордая наследница корбинских земель позволить себе не могла, а потому быстро взяла себя в руки, утерла слезы и, чмокнув меня в небритую щеку, лучезарно улыбнулась:

– Я скоро вернусь! Георг Карлович, входите! – раздался уже от двери ее звонкий голос.

Наконец мне представилась возможность получше рассмотреть лекаря семейства Измайловых. Это был высокий худощавый мужчина тридцати пяти – сорока лет с ниспадающими на плечи и грудь локонами парика черного цвета и длинным гладковыбритым лицом. Нынче многие домашние доктора богатых вельмож имеют обыкновение разряжаться в пух и прах по последней моде, чуть ли не соперничая богатством одежды со своими нанимателями, но Георг Карлович то ли не имел достаточных средств для этого, то ли не придавал своему внешнему виду особого значения.

– Ваше сиятельство! – лекарь поприветствовал меня легким поклоном, вежливым, но в то же время полным достоинства, без намека на подобострастие. – Ожидал, что вы проспите еще часа три. Господь одарил вас завидным здоровьем!

– Присаживайтесь, доктор, – я внимательно вглядывался в лицо местного эскулапа, но не находил в нем никакой фальши.

– Спасибо, ваше сиятельство, в вашей стране меня редко доктором называют, начинаю отвыкать, – доктор Мейнинг присел на стул и тут же извлек из кармана слуховую трубку. – Вы позволите пару формальностей, прежде чем начнете задавать вопросы?

– О, конечно!

Лекарь послушал меня в нескольких местах, изучил мои зрачки, заставил высунуть язык, прощупал пульс на запястье, после чего удовлетворенно кивнул:

– Всё хорошо, князь, ваше состояние не вызывает опасений.

– Главное, чтобы состояние царевича Федора не вызывало опасений!

– С его высочеством тоже всё в порядке. Даже граф завтра должен встать на ноги.

– А я смотрю, Георг Карлович, вы хорошо разбираетесь в вопросе. Ночью у меня сложилось впечатление, что вы точно знали, что делать.

– Это не совсем так, ваше сиятельство, – фрадштадтский лекарь смиренно сложил руки на коленях и посмотрел на меня рассеянным взглядом, – когда меня вызвали к графу Ивану Матвеевичу, то вкратце описали симптомы. А потом вы меня привели к наследнику престола, и я увидел всё своими глазами. Это было очень похоже на отравление одним из не так давно изобретенных ядов под названием колирий. Полной уверенности не было, но предписанное лечение не повредило бы даже в случае ошибки. Потому я ни капли не сомневался в своих действиях и в итоге оказался прав.

– Отравление произошло через пищу?

– Здесь я могу только предполагать, но, судя по времени вашего ужина, очень даже вероятно. Тем более я слышал, что один из поваров исчез.

Очень интересно. Но как отравление вяжется с наемными убийцами? Заказчики не были уверены в действенности яда? Или не доверяли отравителю? Или действовали две независимые друг от друга группы убийц? Да нет, таких совпадений не бывает.

– А по части ядов у нас славится Арниания, не так ли? – вопрос был риторический, в этом мире с ядами в первую очередь ассоциировались арнианцы, аналогично тому, как в средневековой Европе с ними ассоциировались флорентийцы. Но лекарь поспешил меня разочаровать.

– Нет-нет, ваше сиятельство. При всем уважении к арнианцам, колирий был изобретен на Островах. Потому мне и не составило труда разобраться с ним.

– То есть вы с уверенностью можете сказать, что яд отравителю предоставили фрадштадтцы?

– Ну-у, – лекарь на минуту задумался, смешно наморщив при этом лоб, – можно предположить, что его сделали где-то в другом месте, но это очень сомнительно. Не такой уж он действенный, чтобы заинтересовать сведущих в этом деле людей из Арниании или Уппланда. Тем более что этот яд сохраняет свои свойства весьма недолго – до двух месяцев. Даже если его приобрели на

Островах, то должны были очень спешить – колирий не из тех веществ, что можно иметь про запас в ожидании подвернувшегося случая. Так что, увы, ваше сиятельство, яд сделали мои соотечественники и доставили сюда конкретно для вас с царевичем. Уж извините.

– То есть отравители не учли лишь тот факт, что в доме Измайловых окажется лекарь-фрадштадтец?

– Выходит так.

Георг Карлович в смущении развел руками. Такая вот откровенность, не стал выгораживать соотечественников, а фактически указал на них пальцем, еще и обосновав свои доводы логически. Если, конечно, это не ход такой хитрый, чтобы в доверие втереться. Но мы это проверим.

– Скажите, доктор, а для чего вслед за отравлением еще и убийцы подоспели?

– Ну, Михаил Васильевич, это уже вопрос не ко мне, с этим пусть розыскники разбираются. Даром что с утра понабежали.

– Да, в самом деле, – согласился я и протянул лекарю руку, внимательно глядя при этом ему в глаза. – Спасибо, Георг Карлович, за спасение! Просите любую награду, заслужили! Ну, в пределах моих возможностей, конечно.

Ну вот, самое время услышать сокровенное желание попасть в ближний круг наследника престола, на худой конец – в мой ближний круг. Что, впрочем, практически одно и то же. А если не за себя попросить, то за нужного человечка. Или потребуется какая-то услуга. Что-нибудь специфическое, но не очень грандиозное, чтобы было в моей власти и чтобы я сразу не смог оценить степень ее опасности. Даже не могу предположить, что это может быть… Но заграничный доктор снова удивил меня очередным смущенным жестом. Только на этот раз к разведенным рукам добавилось еще пожатие плечами и легкая улыбка.

– Простите, ваше сиятельство, но я давал клятву лечить людей, это моя работа, мое призвание. Так что просить награду в подобных обстоятельствах было бы просто дурным тоном.

Ну да, ну да. Либо ты, Георг Карлович, сильно переигрываешь во взятой на себя роли скромника, либо действительно являешься скромным и порядочным человеком. Нужно взять его на заметку.

– Что ж, доктор, тогда примите пока словесную благодарность, – сказал я, и тут лекарь всё-таки отважился пожать мою руку, – а я уж найду способ достойно наградить вас за отличную работу.

Всё, хватит тратить время на этого Мейнинга. Велю выписать ему премию да порекомендую ученому совету рассмотреть его кандидатуру для преподавания в университете. Как раз в Южноморске еще много вакансий. Достаточно светил местного научного мира прельстились работой в таридийской столице, для Белогорска я сам обрабатывал особо ценных кадров, а вот южноморский университет как-то у нас по остаточному принципу комплектовался, некому особо было лоббировать интересы главной морской гавани страны. Одно время Федор всерьез подумывал поставить Григорянского курировать этот регион, но князь Василий настолько увлекся артиллерийским делом, что буквально разрывался между «Кузнецкой мануфактурой № 1» и полигоном в горах Холодного Удела. Я посчитал, что подобная одержимость всем нам только на руку, и убедил царевича не отбирать у товарища любимые игрушки. Тем более что мне так было очень даже удобно – можно было без зазрения совести поручать Василию Федоровичу контроль за исполнением многих поручений в этой отрасли. Надо же было мне как-то себя любимого разгружать!

Следующим кандидатом на пост куратора юга страны был младший царевич Алексей. Но тут были определенные сомнения – дорос ли до самостоятельной работы? Алешка, конечно же, сильно изменился в лучшую сторону, но по-хорошему бы за ним еще некоторое время присматривать нужно. А тут еще дело с его женитьбой на силирийской княжне подоспело, да еще и с осложнением в виде внезапной кончины так и не успевшего стать счастливым тестем тамошнего великого князя.

Чувствую, что мы вообще в непростую переделку с силирийским вопросом попали. Смерть великого князя Богдана более чем неожиданна, что наводит на очень серьезные подозрения. Он был сильным правителем, из тех, с кем приходится считаться всем соседям, и кто бы мог предположить, что ситуация выйдет из-под контроля под самым его носом, в великокняжеском дворце. И если кто-то считает, что данное событие просто совпало с нахождением царевича Алешки в Рюдеке, то он глубоко заблуждается. Непросто там всё, ох

как непросто!

– Ваше сиятельство, – я уже почти забыл про Мейнинга, а он еще здесь, стоит, мнется у самого выхода. Видимо, что-то всё-таки будет просить.

– Да, доктор?

– Ваше сиятельство, есть одна маленькая просьбочка, – лекарь опять смущенно замолчал, чем уже порядком стал меня раздражать.

– Я вас всё еще слушаю.

– Не могли бы вы повлиять на розыскника, того, что из Южноморска прибыл для расследования обстоятельств дела. Видите ли, я здесь на всю округу единственный иностранец, тем более из Фрадштадта. Уж очень рьяно он окружающих о моей скромной персоне расспрашивает. Ни для кого ведь не секрет, что не очень-то жалуют в Таридии подданных Островов. Тут уж волей-неволей заволнуешься.

– Не волнуйтесь, Георг Карлович, это дело будет на особом контроле, так что напраслину никто возводить не будет.

– Благодарю вас!

Наконец-то лекарь покинул мою комнату. Нудноватый товарищ, тяжеловато с таким общаться. Зато врач хороший. Запомним как первое, так и второе.

Так, что у нас там дальше по плану? Розыскник.

– Подпоручик Лукьянов! – гаркнул я, и спустя всего мгновение в дверь просунулась довольная физиономия моего подручного. Все участники Корбинской кампании получили награды: кто-то в денежном выражении, кто-то в звании. Не успев толком привыкнуть к младшему офицерскому званию прапорщика, Игнат вскочил в табели о рангах на следующую ступень и с тех самых пор радовался, словно ребенок, всякий раз, когда я обращался к нему по званию.

– Михаил Васильевич, а я смотрю, вам уже похорошело?

– Вполне. Тут вроде розыскник из Южноморска приехал, найди мне его.

– Да, шастает здесь по дому красномундирник, во все щели свой нос сует, – Игнат скорчил кислую физиономию – представителей ведомства Никиты Андреевича Глазкова мало кто любил.

– Работа у него такая, – не поддержал я товарища, – давай его сюда!

Через пять минут передо мной сидел майор Сыскного приказа Кротов Юрий Сергеевич – ничем не примечательный мужчина средних лет, среднего роста, кареглазый, темноволосый. Формально он мне не подчинялся, а учитывая мои сложные отношения с его начальством, от него можно было ожидать любой реакции на мое желание пообщаться: от полного игнорирования до подобострастного заискивания. Ни одной крайности не случилось – Кротов явно волновался, но держался с достоинством, попросив для начала снять с меня показания по событиям прошлой ночи.

Дело есть дело, пришлось оказать ему такую любезность. Впрочем, никакого нездорового интереса майор к моим словам не проявил. За исключением вопроса со шпагой.

– Черт его знает, Юрий Сергеевич, – я вынужден был беспомощно развести руками, – сам ищу ответ и не нахожу. Не иначе наитие какое-то, а может, уже на уровне рефлексов «вбито» в мою голову: раз опасность – хватай шпагу.

– Может быть, может быть, – пробормотал себе под нос Кротов, делая какие-то пометки в своих записях.

– Как бы то ни было, но, когда из-за портьеры выскочили убийцы, я очень был рад шпаге в моей руке.

– Что есть, то есть, ваше сиятельство, – согласился красномундирник, захлопывая папку с бумагами. – Ваша очередь, спрашивайте.

– Что удалось выяснить по нападавшим?

– Силирийцы, – спокойно ответил Кротов.

– Вот как? – поразился я. – И как же вы пришли к такому выводу?

– У всех в карманах силирийские деньги. На клинках клейма оружейников из Яблонца и Рюдека. Плюс у одного из убитых обнаружился карманный молитвенник с дарственной надписью на силирийском.

– Хм, а паспортов силирийских при них случайно не оказалось? – с неприкрытым сарказмом в голосе осведомился я, припоминая события в одной братской республике прежнего мира, вдрызг рассорившейся с Россией. Там любую случившуюся гадость с легкостью объясняли «российскими происками», то и дело заявляя об обнаруженных на месте происшествия российских паспортах, военных билетах, журналах технического обслуживания боевой техники и так далее. Вот и это дело выглядело шитым белыми нитками – то есть нас очень хотели убедить в принадлежности нападавших к Силирии.

– Паспортов не было, – Кротов был сама серьезность, – но ведь их наниматели не могли предположить, что охрана убьет всех нападавших. Кого-то могли захватить живым, и тогда бы выяснилась ложь об их национальной принадлежности.

– Я думаю, майор, что этим вопросом наниматели не заморачивались. Ведь в любом случае содержимое карманов указывало на связь с Силирией. А если бы наемники вернулись живыми, от них бы всё равно избавились.

– Прямо-таки дьявольские замыслы, – недоверчиво покачал головой красномундирник, – а для чего вообще понадобились убийцы? Яду не доверяли? Или подстраховка, чтоб уж наверняка?

– Дело в том, что травили нас ядом фрадштадтского происхождения. Ставка делалась на него, но участие Островов в этом деле нужно было замаскировать. По крайней мере, эта версия кажется мне вполне жизнеспособной.

– Вот как? – розыскник в задумчивости потер подбородок. – Сложновато, но не лишено смысла. И позволяет связать воедино оба факта покушения.

– Кстати, что с поваром Измайловых?

– Пока найти не удалось. Ушел через черный ход кухни, впустив туда команду убийц. Там же обнаружен труп сопровождавшего его солдата охраны. Дома повар не появлялся, поиски по окрестным деревням, трактирам и постоялым дворам пока не дали результатов. Я сообщил в южноморский порт, если объявится там, его схватят.

Вот же наивная простота! Кто ж позволит столь важному участнику событий свободно разгуливать по свету? Это свидетельствовало бы о дилетантском уровне организаторов, а, несмотря на определенные накладки и нестыковки, они явно не дилетанты.

– Юрий Сергеевич, – со вздохом произнес я, – мой вам совет: возьмите роту солдат и прочешите ближайший лесок на предмет поиска свежих захоронений.

– Вы думаете? – лицо майора вытянулось от удивления.

– Практически уверен! – отрезал я. – Ищите! И еще одна просьба, майор. По этому делу будет работать и контрразведка – не чините ребятам препятствий, и тогда они будут делиться с вами всем, что узнают.

Не то чтобы Кротову это понравилось, но и перечить он не стал. Может, мой авторитет тому посодействовал, а может, просто посчитал мое предложение рациональным. Посмотрим, что из этого выйдет. Господин Глазков пока весьма косо поглядывал на недавно созданную под крылом Воинского приказа контрразведку, считая ее если не готовящейся заменой возглавляемой им структуры, то опасным конкурентом уж точно. И все мои попытки разъяснений о непересекающихся функциях Сыскного приказа и контрразведки ушли в пустоту. Что ж, придется преодолевать недопонимание опытным путем. Впрочем, как и всегда.

3

Как ни старались мы скрыть факт покушения на жизнь наследника престола, но слухи, один зловещее другого, распространились по округе с неимоверной быстротой, едва не вызвав панику в Южноморске. Чтобы успокоить публику,

пришлось устроить что-то вроде торжественного въезда в город, продемонстрировав жителям живого и здорового царевича.

Народ успокоили. Зато у личной охраны Федора седых волос прибавилось – им теперь в каждом встречном мерещился злодей с кинжалом в рукаве. Ну а кто им виноват? Мы вместе с начальником охраны подполковником Зуевым разобрали ситуацию с покушением практически поминутно, выявили слабые места и ошибочные решения, наметили пути их исправления. Дальше уже он сам должен довести работу до логического завершения, офицер-то толковый, да специфика службы у него больно уж необычная, непривычная еще для этого мира.

Вообще же сам факт покушения свидетельствовал о начале новой фазы большой политической игры. Это раньше мы могли чувствовать себя свободно в полной уверенности, что на наши выкрутасы не обратят внимания. Теперь же всё не так. Большие игроки почувствовали нашу силу, оценили возможности, признали за сколько-нибудь достойных противников и показали, что отныне не будут стесняться в средствах. Вольготной жизни пришел конец, тут уж хочешь не хочешь, а озаботишься и дополнительной охраной, и неким подобием бронежилета, да и дегустаторами пищи пренебрегать не станешь. Ну, ничего, мы тоже не лыком шиты – будут врагам неприятные сюрпризы.

Из-за задержки в имении Измайловых пребывание в главном городе юга Таридии пришлось сократить до минимума – младший царевич всё еще находился в оставшейся без правителя Силирии, а новости оттуда приходили тревожные. Не знаю, как и от чего скончался великий князь Богдан Бржиза, но сделал он это очень не вовремя и для себя, и для нас. Казавшееся единым и монолитным государство, едва лишившись крепкой руки верховного владыки, с минуты на минуту готово было сорваться в жестокую бойню борьбы за трон. Ей-богу, силирийцам бы и своих разборок хватило за глаза, а тут еще и южный сосед в лице Яноша Первого решил воспользоваться ситуацией, предъявив свои права на сопредельные земли. Пока неизвестно, насколько далеко распространяются амбиции улорийского короля, но человек он весьма честолюбивый, сегодня на кусок соседской земли позарился, завтра и на чужой трон замахнуться может. Тем более что проигранная Таридии война сильно подкосила его финансовое благополучие, а других способов поправить его, кроме как военного грабежа, он попросту не знает.

Кстати, мои дражайшие венценосные господа Соболевы тоже были не прочь включиться в силирийские разборки. Видите ли, они считали своим долгом

помочь торжеству справедливости – оградить от посягательств нечистоплотных конкурентов малолетнего сына великого князя. То есть таридийские войска должны были прийти в силирийское княжество, «надавать по шапке» всем негодяям, провозгласить верховным правителем шестилетнего Дарко Бржизу, а регентом при нем посадить либо королеву-мать Петру, либо царевича Алексея как будущего супруга старшей дочери князя Богдана. На мой же законный вопрос о выгоде Таридии в этом деле я получал лишь недоуменные взгляды: «Так ведь новый великий князь Дарко всю жизнь будет благодарен нам за поддержку в трудную минуту!»

Но я-то человек двадцать первого века, циничный и черствый душой, потому и никак не хотел согласиться отдавать жизни таридийских солдат во имя благополучия соседского малолетнего князя. Пусть силирийцы сами разбираются промеж собой, у нас других дел полно. К тому же все наши враги будут очень рады, если мы завязнем в Силирии надолго. И Тимланд, и Улория, и Фрадштадт, потирая ручонки, будут с нетерпением ждать любого ослабления наших позиций и не преминут этим воспользоваться.

Но в Таридийском царстве в данный момент происходило своеобразное головокружение от успехов – короля Яноша уже не считали грозной фигурой, Тимланд считался смирившимся с сокрушительной оплеухой, полученной под Бобровском, и даже Фрадштадтские острова считались «поставленными на место» властной рукой таридийского самодержавия. Вся эта неадекватность взращивалась в плотных рядах придворных блюдолизов и была настолько мощна, что временами затуманивала даже светлую голову царевича Федора.

Спустя десять дней после событий в доме графа Измайлова вся наша компания уже была в Ивангороде. Мы с Натальей пока скромно занимали мои старые апартаменты в царском дворце. Пока детей нет, места всем хватает, правда, приемы не очень-то поустраиваешь, но я не любитель этого дела, а княгиня благоразумно не торопит меня с вопросом собственного жилья в столице. Здесь привычно, престижно, и монаршие особы почти всегда под боком, а это бывает очень полезно для решения всяких вопросов.

Так вот, можно сказать, дома нас и настигла весть о завязавшемся наглухо силирийском узле. И произошло это, конечно же, ночью, подобные вести ну никак не могут обождать до утра.

Около двух часов ночи меня растолкала Наталья, сам я настолько крепко уснул, что категорически не слышал тарабанившего в двери спальни Игната.

– Что стряслось? – спросил я спросонья.

– Его величество вас срочно в зал совета требует, Михаил Васильевич, – отозвался из-за дверей Лукьянов, – гонец из Силирии прибыл.

– Черт! – в сердцах бросил я, уже понимая, что случилось нечто весьма неприятное. Лишь бы с Алешкой всё было хорошо!

По крайней мере, он был жив-здоров. На этом хорошие известия заканчивались, уступая место целому вороху проблем. Во-первых, в Рюдеке настолько накалилась обстановка, что некоторые партии уже не стремились прибрать к рукам наследника престола с целью манипуляции им, а в открытую выражали готовность к смене правящей династии. Во-вторых, улорийцы вторглись в соседние пределы и, практически не встретив сопротивления от занятых своими междоусобицами силирийцев, заняли несколько южных провинций, включая Нижнюю Вилковицу, граничащую с Таридией.

Здраво рассудив, что урегулировать ситуацию своими силами не удастся, Алексей Иванович вырвался из столицы, прихватив с собой не только княжну Стефанию, но и ее мать – великую княгиню Петру с малолетним княжичем Дарко. Алешка отправлялся за невестой в сопровождении эскадрона уланов и эскадрона драгунов. Плюс верность роду Бржиза сохранили полторы сотни гвардейцев. Вот с этими силами младший Соболев и ринулся на прорыв к таридийской границе. Нужно ли говорить, что в планы ни одной из противоборствующих партий не входило выпускать законного наследника престола из страны? Погоня оформилась весьма быстро. Не так быстро, чтобы перехватить беглецов в окрестностях Рюдека, но основательно «сесть на хвост» команде царевича успели.

Вот тут-то и вмешались в дело улорийцы, перекрывшие путь беглецам через Нижнюю Вилковицу. Альтернативная дорога домой лежала в обход горного массива и мало того, что заняла бы в условиях уже наступившей на севере зимы не менее трех недель, так еще и требовала немного вернуться назад, через ряды наседающих силирийцев.

В общем, Алексею не оставалось ничего другого, кроме как запереться в небольшой крепости Орлик километрах в пятидесяти – шестидесяти от границы.

Теперь Орлик осаждали разъяренные попыткой побега силирийцы, а дорогу в Таридию преграждали еще и улорийцы, пока не вмешивающиеся в процесс по причине недостатка сил. Но всё могло измениться в ближайшие дни, ибо имелась достоверная информация о подготовке к выступлению на север большого улорийского войска во главе с самим королем Яношем.

– Вдове и сыну великого князя стало небезопасно оставаться в Рюдеке, и княгиня Петра сама предложила этот совместный побег, – удрученно промолвил Иван Федорович, склоняясь над расстеленной на столе картой Силирии, – Алексей не мог отказать, не мог поступить иначе.

В зале совета нас было только четверо: его величество царь Таридии Иван Федорович, наследник престола царевич Федор, начальник Сыскного приказа Никита Андреевич Глазков и я. Последние известия до меня донес именно Федор, ибо Иван Федорович был всецело поглощен раздумьями, а господин Глазков демонстративно старался не замечать моего присутствия, у нас ним в последнее время соблюдался вооруженный нейтралитет.

– Вот видишь, Холод, – невесело усмехнулся наследник, – ты не хотел ввязываться в войну за силирийское наследство, а никуда от нее деться, вынуждают нас.

– Ничего подобного, – возразил я, – нам нужно вызволить Алешку из осады, желательно с невестой, еще желательнее с ее мамой и братом. А усмирять всё мятежное княжество, утверждая на троне Дарко Первого, нас никто не заставляет.

– Вы, Михаил Васильевич, – подал-таки свой ехидный голос главный розыскник, – проявляете прямо-таки патологическое нежелание иметь в лице силирийского монарха надежного союзника. Как, несомненно, будет в случае, если правящая династия при нашей помощи сохранит трон.

– А не нужно, Никита Андреевич, так легко разбрасываться жизнями таридийских солдат, – в тон Глазкову возразил я, – они нам еще пригодятся. Это не наша война.

– Миша, все дипломатические методы разрешения ситуации уже были опробованы, – горько покачал головой государь. – Остались только военные. А мы совершенно не готовы к войне.

Вот уж удивили, ваше величество! А когда это мы были к войне готовы? Для нас ведь война, как зима для коммунальных служб, всегда случается неожиданно. Нужно просто слушать умных людей и создать небольшую, но боеспособную армейскую группировку на каждом из проблемных направлений! Слава богу, у меня хватило благоразумия не произносить этого вслух, а то не успею обернуться, как снова в тюремной камере окажусь.

– Что у нас по расстановке сил? – спросил я у Федора, от греха подальше переводя разговор в конструктивное русло.

– Григорянский сейчас в Клинцах, я приказал ему взять два расквартированных там полка и попытаться с ходу взять Злин. Без этого не будет переправы через Диволицу и дороги в глубь Силирии. В Злине сидит силирийский гарнизон числом около пяти сотен бойцов – больше там разместить просто нереально. В сорока километрах от Злина расположен занятый людьми Яноша город Яблонец. Злин и Яблонец – это двойная дверь в княжество. Если не проломиться здесь, то обходной путь через север займет чуть не месяц, да еще и выведет во внутренние области Силирии, откуда до Орлика еще пробиваться с боями придется.

– Сколько всего улорийцев в Нижней Вилковице?

– Порядка восьми тысяч. Командует ими опытный генерал Пищак. Но беда в том, что в ближайшие две-три недели туда может выступить и сам Янош с шестнадцатитысячным войском.

– А что силирийцы?

– Злин сейчас отрезан от основных земель княжества, но гарнизон понимает всю значимость крепости для страны и открывать ворота кому бы то ни было не собирается. Орлик осаждают пять с половиной тысяч человек, в основном это иррегулярная кавалерия, но время играет против нас – они сейчас спокойно подтягивают туда и пехоту и артиллерию. Бегство княжеской семьи

представлено как похищение, поэтому среди осаждающих царит редкое единство.

– Насколько я понимаю, мы можем противопоставить всей этой прелести всего шесть-семь тысяч солдат? – я склонился над картой, пытаясь навскидку оценить по ней расстояния до Орлика от нашей и улорийской границ.

– Увы, – развел руками царевич, – слишком внезапно умер князь Богдан, не ждали мы беды с этой стороны.

– А отчего это у нас Янош такой храбрый? Уверен, что угрозы с другой стороны не существует?

– Предлагаешь убедить его в обратном? – вот приятно работать бок о бок с человеком, понимающим тебя с полуслова! Царевич быстро ухватил суть моих мыслей, а скорее всего, и сам мыслил в том же направлении.

– Если возникнет угроза разорения южных областей и потери главного улорийского портового города Торшека, наш дражайший Янош будет вынужден оттянуть силы на юг. И в Силирии останется только Пищак, и то в лучшем случае.

– Если он возьмет в заложники моего сына, – горько возразил Иван Шестой, – то сможет требовать не только отвода войск из-под Торшека, но и возврата Корбинского края.

– Государь, – я испытующе посмотрел на царя, стараясь установить степень его мягкотелости, границы, до которых он готов пятиться в случае захвата Алексея улорийцами, – нужно быть твердым…

– Это мой сын, Миша!

– Отец! Нужно идти от обратного! При любой угрозе в сторону Алешки мы тут же будем отвечать угрозой захвата новых территорий Улории! Мы убедим Яноша в прямой связи между безопасностью моего брата и целостностью территорий его королевства!

Вмешательство Федора вышло весьма убедительным и своевременным. Я бы не осмелился так прямо переубеждать обеспокоенного царя-отца.

Эх, Иван Федорович, Иван Федорович! Хороший вы человек, да монарх посредственный! Никогда бы вам не стать государем Таридийским, кабы не право наследования. Нельзя правителю государства быть столь мягким – опасно это и для самого горе-правителя, и для страны в целом. Хорошо, что ваш старший сын совсем другой, не зря иностранцы именно в нем видят для себя главную угрозу. А вам, дражайший государь, я бы с удовольствием рассказал историю о том, как Иосиф Виссарионович на предложение обменять попавшего в плен сына на фельдмаршала Паулюса твердо ответил: «Я солдата на фельдмаршала не меняю», да боюсь, сочтут сумасшедшим, снова откроют дознание в Сыскном приказе, а то и инквизицию вновь подключат. Иногда так жаль, что нельзя привести пример из истории своего прежнего мира…

– Мы заставим Яноша играть по нашим правилам! – подытожил старший царевич.

– Хорошо, Федор, ты прав, – после продолжительной паузы, завершившейся тяжелым вздохом, согласился государь. – Как предлагаете действовать?

– Первый этап предельно прост, – дождавшись разрешающего кивка Федора, я вновь взял слово, – Федор Иванович забирает четыре ивангородских полка и без промедления отправляется в Корбинский край, где под предлогом маневров поднимает все расквартированные там части. Если не призывать ополчение, то это будет восемнадцатитысячная армия, причем на голову превосходящая улорийцев в части артиллерии. В то же самое время я отправляюсь на север, где вместе с Григорянским пытаюсь совершить прорыв к Алексею.

– А второй этап? – тут же поинтересовался царь.

– Второй этап, ваше величество, предполагает действие по ситуации. Возможно, придется еще хорошенько потрясти мускулами на южных границах Яноша, чтобы отбить у него охоту совать свой нос на север.

– Какой интересный план! – язвительно подал голос Глазков. – Один пункт и сплошная импровизация. Да и то, позвольте поинтересоваться, почему его высочество должен отправиться в Корбинский край, а вы, Михаил Васильевич,

будете пытаться вызволить Алексея Федоровича из осады? Чай, царевич Федор-то полководец поопытнее вашего будет, почему не он должен вызволять брата?

– Вот именно оттого, что Федор Иванович гораздо более грозный полководец, нежели ваш покорный слуга, угроза вторжения будет воспринята серьезно! – несмотря на то, что это подобие плана действий приходилось принимать на ходу, я ожидал такого вопроса от красномундирника и был готов к нему. – Но если у многоуважаемого Никиты Андреевича есть другой план, то я всегда готов его выслушать!

– Война – это дело Воинского приказа, – спокойно ответил Глазков, демонстративно не глядя в мою сторону, – вам и карты в руки.

– Все правильно, Никита Андреевич, – в ответ на словесную шпильку главного розыскника Федор обнял меня за плечи, – я буду трясти южные земли Яноша до тех пор, пока он не отзовет войска из Силирии. Ну а кто лучше Князя Холода разберется с проблемами на севере, да еще зимой?

Я поморщился, словно ощутил во рту вкус лимона. Все эти сравнения со сказочным Холодом уже порядком набили оскомину. От каждого моего слова, каждого действия проводились параллели, волшебным образом обнаруживавшие их соответствие характеру этого сказочного героя, а то и полное совпадение с его деяниями. Причем у меня было четкое убеждение, что список этих самых деяний постоянно растет. Так что уже было непонятно, кто из нас кому больше обязан росту популярности – если два года назад Князь Холод был полузабытым персонажем детских страшилок, то сегодня о его приключениях знал каждый житель Таридии старше трехлетнего возраста.

И труднее всего в этом деле было не терпеть постоянные подколы друзей и близких, а привыкнуть к повышенному вниманию и разочарованным взглядам незнакомых людей, чаявших увидеть на моем месте этакого брутального красавца огромного роста в красном плаще и с непременным окровавленным мечом в руке.

Впрочем, сейчас у меня вновь намечается зимняя кампания – отличный шанс укрепить репутацию если не героя сказок, то лучшего зимнего военачальника этой страны. А может, и всего мира.

– А как, Михаил Васильевич, Диволицу форсировать собираешься? – уже убрав из голоса язвительность, поинтересовался Глазков.

– А что с ней не так? Судя по карте, это один из притоков Титовицы. И явно не из больших, – совершенно искренне удивился я. – Осмотрюсь на месте, там и решу.

– Память к тебе так и не вернулась? – после минутной паузы, сопровождавшейся удивленным переглядыванием царя, начальника сыска и старшего царевича, удивленно спросил государь.

– Мы были там четыре года назад, – тихо пояснил Федор, в то время как Никита Андреевич впился взглядом в мое лицо.

– Да я уже оставил всякую надежду вспомнить хоть что-нибудь из жизни до покушения, – я сокрушенно покачал головой и попытался изобразить на лице крайнюю степень разочарования, – видно, не судьба!

– Точно не судьба, Миха! – решительно заявил царевич Федор. – А знаете, мне Бодров после потери памяти нравится гораздо больше прежнего, так что пусть и не вспоминает ничего!

На этом малый совет завершился. А я сделал себе пометку в памяти – по дороге к границе добыть максимум информации о крепости Злин и реке Диволице. Может, удастся что-нибудь придумать для решения этой проблемы заранее.

В свои апартаменты я вернулся спустя два часа после внезапного пробуждения и, раздав указания Лукьянову, Иванникову и своему управляющему Сушкову, отправился в спальню. Что-то мне подсказывало, что в ближайшие месяцы меня ожидает холостяцкая жизнь, так что стоит последние свободные часы посвятить общению с супругой. Служба службой, но два-три часа тут роли не сыграют, а раз так, то пусть весь мир подождет.

4

– Вот, господин инженер, нам нужно как можно быстрее попасть туда, – я кивнул в сторону отстоящего от нас примерно метров на тридцать противоположного края ущелья, громко именуемого местными жителями «Дьявольским». Не знаю,

чего в нем такого уж страшного: то ли ветер чересчур жутко завывает по ночам, то ли темные люди в древности пытались девственниц бросать в быстрые воды текущей по дну ущелья реки Диволицы, надеясь получить от высших сил безопасный переход на другой край, то ли самоубийц всех мастей это место манит возможностью и разбиться и утопиться одновременно. По мне так ущелье как ущелье. Не сильно широкое, не сильно глубокое – сейчас, в середине ноября, до поверхности воды было метров шесть-семь, не больше. Допускаю, что засушливым летом уровень падает на три-четыре метра, но ведь в весенние половодья он наверняка поднимается к самым краям расщелины. Жаль, что сейчас не весна. Впрочем, посмотрим, что наш инженер скажет.

Иван Петрович Шепель раздраженно передернул плечами. Человеком он был вспыльчивым, порывистым, абсолютно неделикатным, то есть характером обладал на редкость скверным. Любил побрюзжать по поводу своей загубленной научной карьеры, которую он легкомысленно променял на «скучную и бесперспективную» службу в армии. Зачастую при этом доставалось и мне как инициатору и «дьяволу-искусителю», затащившему его на эту самую службу, правда, в основном это происходило вне слышимости моих ушей, потому как хотя бы зачатки инстинкта самосохранения у Шепеля всё-таки остались. В общем, окружающие терпели Ивана Петровича с большим трудом, да и то лишь памятуя о моем строжайшем запрете на рукоприкладство. Но все его выкрутасы мигом отходили на второй план, стоило только Шепеля озадачить какой-либо проблемой, «зажечь» его. Вот тогда командир специального батальона инженерного обеспечения майор Шепель и сам фонтанировал идеями, и подчиненных заставлял работать четко и слаженно. Ради этого я его и терпел, мне такой человек был нужен.

– Так что скажете, майор Шепель? – я знал, что инженер не любит, когда подчеркивают его отношение к армии, но сейчас мне было на это наплевать – мне нужен был одновременный доступ к обеим частям расположенной по обе стороны Дьявольского ущелья крепости Злин.

– Скажу, что переправить на ту сторону штурмовой батальон не составит особого труда, – Иван Петрович нервно потеребил свою рыжую клиновидную бороденку, сбивая с нее налипшие снежинки, – но вам ведь понадобится тащить туда лошадей, пушки, обоз. Раз так, то нужно строить полноценный мост, а это займет пару недель при отсутствии противодействия с противной стороны.

Да, крепость Злин являлась крепким орешком, надежно охранявшим единственный на много километров вокруг переход с правого на левый берег Диволицы, и штурмовать ее было непросто хоть с этой, хоть с той стороны ущелья. Замечательный каменный мост являлся частью крепости, ибо был зажат между двумя надвратными башнями и с обоих боков имел стены с зубцами и бойницами. Это сооружение называлось барбакан или отводная стрельня, с подобным мне пришлось иметь дело при штурме Корбинского замка, только здесь передняя башня была вынесена на эту сторону ущелья. То есть желающим перебраться в Силирию нужно было взять штурмом первую надвратную башню, между прочим, наполовину вырубленную в скале, затем под огнем защищающихся преодолеть мост и пытаться вломиться во вторую башню. Только после этого можно было приступать, собственно, к взятию самой крепости. Ну, или, при должном старании, можно было каким-либо хитрым способом переправиться-таки через ущелье и попытаться штурмовать Злин сразу со стороны Силирии. Но это, как правильно заметил Шепель, при отсутствии противодействия со стороны защитников крепости.

Взять Злин с ходу, как робко надеялись царь и начальник Сыскного приказа, князю Григорянскому было просто невозможно. Потому что Злин – это не какой-нибудь город, защищенный стенами и ежедневно распахивающий свои врата толпам горожан и приезжих. Злин – это крепость, объект исключительно военного назначения, предназначенный защищать границу государства. То есть его ворота никогда не держат открытыми подолгу. Князь Василий попытался было вступить в переговоры на предмет прохода войска на ту сторону, но получил ожидаемый отказ. Причем в такой грубой форме, что напоследок сам вспылил и пообещал коменданту всевозможных гадостей, да еще и окончил разговор фразой: «Скоро Князь Холод придет за вами». Так, на всякий случай. В ответ раздался гомерический хохот, но это ничего, посмотрим, кто посмеется последним.

Вообще же для меня являлось большим вопросом, сумел бы Алешка выскользнуть с территории Силирии, если бы добрался до Злина. Понятно, что расчет был на прямой приказ княгини-матери или малолетнего князя пропустить отряд, но как на него отреагировал бы гарнизон крепости – неизвестно. Кто знает, какие новости успели дойти до командира гарнизона и какую партию он решил поддержать?

– Петрович, – я отряхнул треуголку от снега и обратил взор к небесам, где явно намечалась тенденция к усилению снегопада, – штурмовой батальон ты

переправишь, но выше по течению реки, где мы были с утра. А здесь я был бы тебе очень благодарен, если б ты сумел запрудить реку.

Инженер хотел что-то возразить, да так и замер на полуслове. Посмотрел внимательно на реку, на меня, на скалу, скрывающую сейчас от наших взоров крепость. Обхватил пятерней подбородок, что являлось у него признаком усиленной работы мозга и, сощурившись, вперил взгляд в скрытую снегопадом даль.

– Ваше сиятельство, – отозвался Шепель спустя несколько минут, растягивая тонкие губы в подобие улыбки, – вы либо дьявол во плоти, либо гений. Что, впрочем, одно и то же.

– Бодров моя фамилия, – ответил я недовольно, – так что же?

– Будет вам запруда! – решительно заявил майор. – К завтрашней ночи уровень реки будет такой, как вам нужен.

– Вот и хорошо, Иван Петрович, я на вас рассчитываю.

– Шепель сказал – Шепель сделает, – пафосно заявил командир инженерного батальона и, не удержавшись от шпильки в сторону конкурента, добавил: – Это вам не Васька Кипельников с десятью воздушными шарами! Попомните мое слово, князь, плакали ваши денежки. Не выполнит Кипельников ваш заказ, лучше бы мне его поручили.

Ага, как же, не выполнит – Кузьмич Сушков лично контролирует этот проект. Так что воздушные шары будут, и не десять, а столько, сколько нужно. Кипельников – восторженный мечтатель, участвовавший в работе изобретателя воздушных шаров этого мира криольца Лангоскье. Он считает, что большое количество шаров позволит большему количеству людей приобщиться к красотам воздушных полетов. Шепель другой – подняв в воздух свой воздушный шар, он бы доказал себе, что может преодолеть земное притяжение, и на этом успокоился бы, вмиг переключившись на следующую задачу. Делать много шаров было бы для Шепеля невыносимо скучно, в результате чего он гарантированно отравил бы жизнь всем окружающим. Так что не надо, обойдемся здесь без него. Шары сделает Кипельников, а уж практическое применение я им смогу найти, не сомневайтесь. Мне и воображение особо

задействовать для этого не нужно – опыт и знания человека двадцать первого века к моим услугам.

Шепеля же нужно озадачивать какими-нибудь нетривиальными вопросами типа сегодняшнего и обязательно подчеркивать, что кроме как на него надеяться не на кого.

– Нет, Петрович, ты мне здесь нужен, на передовой. Здесь без тебя никак. А шариками пусть Кипельников занимается, – я дипломатично «съехал» со скользкой темы. – Приступай, успех всей кампании зависит от тебя и твоих парней!

Честно говоря, психолог я невеликий, но здесь этого и не требуется. Достаточно вот таких элементарных приемчиков. Пусть Шепель верит в свою исключительность и раздувается от гордости – лишь бы дело было сделано. А эти же самые слова я скажу командирам двух штурмовых батальонов, артиллеристам Григорянского, трем белогорским пехотным полкам, призванным подавить сопротивление внутри крепости, и легкой кавалерии, которая после взятия Злина рассыплется разведывательными дозорами по силирийской территории.

Интересно то, что я не допускал даже мысли о возможности неудачи. Не было ни страха, ни сомнений – передо мной просто маленькая горная крепость. Да, хорошо укрепленная и удачно расположенная с точки зрения обороны, но ничего более. А я притащил из Кузнецка всю готовую к эксплуатации новую артиллерию, плюс в моем распоряжении теперь целых два батальона обученных и экипированных штурмовиков – силирийцы еще представления не имеют, какая это сила. Да и вообще в двух подряд успешных военных кампаниях таридийская армия получила столь необходимые опыт, закалку и уверенность в своих силах, так что на бой выходила уже без всякой боязни, но и без шапкозакидательства, со знанием дела. Так что возьмем мы крепость, сто процентов возьмем.

Был даже вариант переправиться на тот берег Диволицы и уйти дальше, к Яблонцу, не тратя силы и время на несговорчивый гарнизон Злина. Но тогда пришлось бы оставлять внушительные силы для охраны наведенной переправы, а под Яблонцом нас ждали восемь тысяч улорийцев. Потому ни дробить свои силы, ни ставить их меж двух противников, хотя и не действующих согласованно, я не собирался.

Как и всегда в таких случаях, последние часы до назначенного времени тянулись безумно медленно. Дополнительной помощи инженерный батальон не запросил, значит, у Шепеля все шло по плану.

– Всё, Михаил Васильевич, есть уровень! – со стороны реки из снегопада появился радостно-возбужденный Лукьянов. – Полтора метра, можно начинать!

Почти двое суток прошло с того момента, как Шепеля озадачили запрудой, и вот, пожалуйста – результат достигнут. Вчерашней ночью батальон Дегтярева переправили на ту сторону Дьявольского ущелья в нескольких километрах выше Злина, и сейчас его бойцы уже готовятся атаковать северную стену крепости. Подобраться туда со стороны скал нелегко, тем более зимней ночью, но зато там никто не ждет нападения.

А второй штурмовой батальон сейчас спустится на плотах по поднявшейся реке прямо к соединяющему две надвратные башни мосту. Мост защищен трехметровыми стенами, но они призваны обеспечить безопасное передвижение защитников между крепостью и вынесенной на эту сторону ущелья башней и не рассчитаны на прямой штурм со стороны реки. А сегодня своенравная Диволица подвезет атакующих прямо к подножию стены моста, и я сильно сомневаюсь, что у силирийцев найдутся силы отразить в этом месте неожиданный натиск сотен подготовленных бойцов.

– Давай первый сигнал! – я дал согласие на начало штурма.

Игнат умчался обратно к реке, а Иванников распорядился зажечь сигнальный костер. Несмотря на снегопад, наблюдатели Дегтярева увидят сигнал, а вот от взоров защитников Злина его укрывает скала. Как только дегтяревцы окажутся на стене, на той стороне ущелья зажжется ответный сигнал. Он и послужит отправной точкой для штурмовиков Седова, уровень реки к тому времени должен еще подняться, так что влезть с плотов на мост для подготовленных бойцов не составит никакого труда. Лишь бы дамба шепелевская выдержала. Интересно, силирийцы уже обратили внимание на реку или их интересуют исключительно подходные пути к отводной стрельне? Вон как старательно каждый день их водой поливают – надеются, что у наших солдат не получится добраться до ворот по свеженькому льду. Ну-ну.

Рядом со мной нетерпеливо переминался с ноги на ногу князь Григорянский. Ему страсть как хотелось опробовать в деле новые орудия, но всё, что я мог ему обещать сегодня, так это выстрел прямой наводкой по воротам в том случае, если штурмовикам не удастся их открыть. Очень надеюсь, что до этого не дойдет и наша артиллерия скажет свое веское слово в последующих сражениях.

Томительно тянулись минуты ожидания, снегопад усилился, грозя завалить и так труднопроходимые горные дороги. Кроме того, ухудшалась видимость, и я стал всерьез опасаться за нашу костровую сигнальную систему. Бинокль из первой опытной партии, только что поступившей в войска, мало чем мог мне помочь – от мельтешения мириад снежинок быстро уставали глаза. Эх, нам бы рации сюда! Да что рации, я согласен и на обычный телефон – пусть и пришлось бы километры проводов туда-сюда таскать. Нужно будет хорошенько поискать в местных научных кругах людей с перспективой развития этого направления – может, удастся форсировать события. Где только время на всё это брать? У нас ведь постоянный аврал – то война, то подготовка к войне. Сейчас вообще не пойми что – спасательная операция с военным уклоном.

Наконец поступил сигнал с того берега. Слава богу! Значит, всё идет по плану. Пора.

– Начинаем!

Тотчас один посыльный умчался к Седову, а второй отправился к Шепелю. К тому времени, когда он доберется до командира инженерного батальона, все седовцы давно будут в крепости и необходимость в удержании запруды отпадет.

Мы переместились вниз по течению, расположившись прямо напротив подхода к воротам Злина. И снова ожидание, тщетные попытки рассмотреть что-либо за пеленой снегопада, уловить какие-нибудь звуки, по которым можно оценить происходящее за стенами крепости.

Ничего мы не увидели и не услышали. Около половины четвертого утра от выдвинутых вперед дозорных пришла весть об открытии ворот Западной башни злинского барбакана. Тут же к подъему потащили заготовленные мешки с песком и через десять минут в пограничную крепость по обильно посыпанному песком склону вошли два батальона первого Белогорского пехотного полка.

Спустя четверть часа после них пришел черед легкой кавалерии – эскадрон клинцовских гусар отправился прямиком на силирийскую территорию в целях разведки местности и перехвата возможных беглецов.

Всё это время Григорянский рвался в бой, а я с неизменной твердостью удерживал князя на месте. Во-первых, генералам действительно не место в первых рядах сражающихся, а во-вторых, науськанные Натальей Лукьянов и Иванников готовы были стоять насмерть, лишь бы не позволить мне лезть в пекло, ну а я уже, за компанию, не позволял геройствовать князю Василию. Такова была моя маленькая примитивная месть.

Но, наконец, настал и наш черед. Вслед за третьим батальоном белогорцев мы с Григорянским, в сопровождении небольшой свиты, вошли в уже практически взятый Злин.

Сквозной центральный проход через крепость, имевший в ширину порядка шести метров, был с обеих сторон огорожен стенами трехметровой высоты. Для удобства перемещения защитников Злина через этот каменный коридор были перекинуты две открытые деревянные галереи. Примерно посередине в каждой из стен имелись в данный момент настежь распахнутые дубовые ворота. Пришедшие с нами белогорцы равномерно втянулись на обе стороны внутреннего двора крепости и на какое-то время мы остались одни посреди пограничного перехода.

Задрав голову кверху, я обвел взглядом нависшие над нами стены и башни Злина. Отовсюду слышались крики, звуки выстрелов, откуда-то доносился звон шпаг, тут и там мелькали факелы. И со всех сторон на нас пялились темные провалы бойниц: бойницы в стенах, бойницы в башнях, бойницы в воротах, бойницы даже в невысоком дощатом ограждении галерей. Не будь защитники крепости сейчас очень сильно заняты, вся наша штабная делегация оказалась бы под убийственным перекрестным огнем из десятков точек. Я нервно передернул плечами. Надо бы уйти отсюда. Или в одну из башен подняться, или пересечь двор и выйти на ту сторону, в долину. Не ровен час, найдется какой-нибудь свободный стрелок, вот глупо получится! Стоило мне лишь подумать об этом, и беда не заставила себя ждать. Правда, пришла она совсем с другой стороны, откуда уж точно не ждали.

Уж не знаю, каким образом тысяча с лишним таридийцев разминулась в коридорах и переходах злинской крепости с двумя десятками обороняющихся,

но это случилось. Силирийцы вывалились на улицу из дверей надвратной башни, тем самым отрезав нас от оставшихся на том берегу Диволицы наших частей. Все же задействованные в штурме таридийские части были либо в крепости, либо за ней на силирийской территории и тоже не могли нам помочь.

– Вот так-так! – выразил общее мнение Игнат, взводя курок пистолета.

Осознав после секундного замешательства, какая удача выпала на их долю, подданные безвременно ушедшего великого князя Богдана бросились на нас.

Иванников полез было вперед, да я вовремя ухватил его за ворот кафтана:

– Сашка, куда?

С обеих сторон грохнули пистолетные выстрелы. Незримая сила ударила меня в левое плечо, развернула, бросила на покрытые снегом камни пограничного перехода. Пуля! Еще находясь в лежачем положении, я несколько раз сжал и разжал пальцы левой руки – работает, перелома нет. Хотя плечо и онемело от сильного удара. Вокруг меня топали, толкались, кричали, ругались члены моей свиты и так нежданно свалившиеся на наши головы силирийцы. И повсюду звенела сталь. Ах, черт, их же вдвое больше! Чего же я жду? Нужно помогать своим!

С трудом заставив левую руку потянуть завязки плаща, я поднялся на ноги. Правая рука сжимала рукоять шпаги, и хоть убей, я не мог сказать, когда успел извлечь ее из ножен. Да и какая разница! В следующий миг мне стало не до размышлений – вражеский солдат в зеленом мундире попытался заколоть меня штыком.

Тут уж раненая рука сработала как нужно – резкий вброс адреналина заставил меня забыть о боли – развернутый плащ увел штык влево, сам я при этом сместился вправо и сразу ударил потерявшего мгновения на высвобождение оружия противника шпагой. Силириец упал без каких-либо шансов снова подняться. Тут же сбоку, из самой свалки, налетел другой зеленомундирник, толкнул меня плечом, заставив попятиться, замахнулся прикладом фузеи, целя в лицо. Изогнувшись всем телом, я сумел уйти с линии атаки и, поймав противника на встречном движении, угостил смачным ударом в голову эфесом шпаги. Тот рухнул наземь, но отслеживать его дальнейшую судьбу мне было некогда – два

силирийских офицера прижали к стене моего секретаря Сашку Иванникова.

Два быстрых шага в их сторону и выпад – укол пришелся в спину, но тут вам не дуэль, не до соблюдения правил. Сашка остается против одного противника, а я быстро разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, чтобы сойтись лицом к лицу со следующим охотником за моей головой.

Это оказался и вовсе интересный экземпляр: бордовая треуголка, вся расшитая золотыми галунами, бордовый кафтан с меховым воротником, белый офицерский шарф и белые же перчатки и ботфорты. Пижонство в лучших придворных традициях! Неужели сам командир гарнизона подполковник Шмицер? Точно, Григорянский насмехался над его блестящим нарядом.

– Убирайся в ад! Убирайся в ад! Убирайся в ад! – последовали три подряд брошенные с ненавистью в меня фразы, сопровождаемые тремя подряд атаками, заставившими меня защищаться с отходом назад. После этого силирийский франт допустил ошибку, попытавшись настичь меня в глубоком выпаде. Я отскочил назад, благо, места для маневра хватило, и сразу атаковал тяжеловато возвращавшегося из выпада противника. Туше! Острие клинка вонзилось офицеру в левую ключицу, вызвав новый поток брани, теперь уже на силирийском языке.

Не дослушав, я атаковал подполковника в голову. Шмицер парировал, но уже в следующей атаке пропустил укол в правое плечо. От бесславного поражения, а может, и смерти, силирийского командира спасло появление на поле боя таридийских солдат. Из надвратной башни высыпало несколько десятков штурмовиков в белых маскхалатах, что моментально изменило баланс сил в нашу пользу, и оставшиеся к этому моменту в живых силирийцы сложили оружие.

– Я же говорил, что Князь Холод придет за тобой! – насмешливо сказал Шмицеру Григорянский.

– Ты дьявол во плоти! Человеку не под силу взять Злин! Только дьявол мог сотворить такое! – со злостью глядя на меня, ответил подполковник.

– Всё, что мы делаем, уже когда-то кем-то было придумано, – скромно возразил я.

– Я не промахиваюсь с такого расстояния, ты должен быть мертв! – никак не желал успокаиваться подполковник. – Ты не человек! Ты дьявол!

– Бодров моя фамилия, – ответил я устало Шмицеру, когда двое бойцов потащили его в сторону каземата.

Все эти сравнения то со сказочным персонажем, то с представителем потустороннего мира уже изрядно мне поднадоели. Зато всё мое окружение уже вовсю готовилось смаковать очередной эпизод, подтверждающий мое родство с легендарным Холодом. Но что они будут говорить в том случае, если завтра я проиграю? Не дай бог, конечно, но ведь никто не может выигрывать вечно.

Так закончилось это неожиданное приключение, едва не поставившее крест на всей спасательной операции. К шести часам утра последние очаги сопротивления были подавлены, Злин был полностью в наших руках.

5

Капитан Олстон был удивлен и несколько обескуражен тем безразличием и даже холодностью, с которыми начальством был принят его доклад о поездке в Таридию. В заслушивании принимали участие два высших должностных лица королевской Тайной канцелярии – лорды Вулбридж и Хаксли, а также руководитель таридийского отдела полковник Гринвуд. По всему выходило, что от экспедиции Олстона ожидали гораздо большего. Но, чтобы ожидать большего, нужно четко формулировать задачу, – Джон опытный разведчик с пятнадцатилетним стажем, а не гадалка. Все интересовавшие Корону объекты он посетил, на все вопросы ответил. Так какие к нему могут быть претензии? Всё это капитан подчеркнул в завершающей части своей речи и сделал это дипломатично – так, чтобы и начальство не раздражать, и в то же время указать на свою правоту.

– Капитан! – лорд Хаксли мастерски выпустил ввысь три колечка табачного дыма, заставив Олстона мысленно облизнуться – он уловил аромат уже почти забытого бриджстоунского табака. – Капитан, вы являетесь одним из наших лучших полевых агентов, – теперь Джона покоробило от словосочетания «одним из», – и именно поэтому мы решили привлечь вас к работе в Таридийском царстве. Ваши таланты и мастерство не подлежат сомнению, но в сложившейся

ситуации Корона вправе требовать не только педантичного исполнения всех пунктов приказа, но и проявления личной инициативы. Тем более от такого опытного разведчика, как вы. Однако вы сегодня не сообщили ничего нового, ничего полезного. Производство пороха на царской мануфактуре – это, конечно, важно, но уже известно и подтверждено. А вот с новой гаубицей таридийцев вы так и не разобрались! Между тем ходят слухи, что дальность ее стрельбы почти вдвое превышает дальность стрельбы наших орудий. Если это так, то подданные Короны находятся в большой опасности! Если нет, то я бы очень хотел знать, кто распространяет такие слухи!

– Я думаю, что эта волшебная гаубица на полигоне в горах Холодного Удела является частью популярных сейчас в Таридии сказок о Князе Холоде, не более того. Я просидел в тамошних горах трое суток, в течение которых туземцы палили из всех своих пушек с утра до позднего вечера. Но ни один выстрел не показался мне хоть сколько-нибудь выдающимся… – Олстону удалось сохранить невозмутимый вид, хотя внутри него нарастало раздражение против этого блондинистого молодого хлыща, считающего себя специалистом в разведке по одному только факту своего рождения. Из его проникновенной речи Джон так и не понял, чего тот от него хочет. Если Хаксли всегда так выражает свои мысли, то беда – их служба требует конкретики и определенности. А судя по слухам, молодого лорда готовят на смену престарелому Вулбриджу.

Вулбридж – вот это матерый волчище, знающий о разведке всё! Причем не понаслышке. С ним никогда не было легко, но зато агент всегда понимал, что от него требуется, и был уверен в нерушимости данного старым лордом слова. Не хотел бы Олстон работать под руководством такого начальника, как Хаксли. Впрочем, может, и не придется. Вулбридж еще на своем посту, а таридийское дело обещает быть весьма прибыльным для опытного разведчика. Глядишь, и в отставку можно будет выйти после такого, да еще с новеньким именьицем и пожизненным пенсионом в придачу.

– А что вы вообще можете сказать о Князе Холоде? – проскрежетал лорд Вулбридж, на мгновение окутываясь клубами сигарного дыма.

– Надеюсь, милорд имеет в виду князя Михаила Бодрова? – вежливо поинтересовался капитан.

– Ну разумеется! – благосклонно рассмеялся лорд.

– Князь Бодров молод, умен, сообразителен, предприимчив. Пользуется доверием обоих царевичей. Пожалуй, является самой популярной фигурой в Таридии после наследника трона. А уж случай, когда он, вызволяя из плена графиню Ружину, отбил у Улории целый Корбинский край, уже стал легендой. Я пару десятков различных вариаций слышал, одна красочнее другой. В общем – интересный персонаж. Почти такой же интересный, как царевич Федор.

– Так вот, Олстон, обстоятельства складываются таким образом, что эти интересные персонажи на днях будут гостить в доме графа Измайлова близ Южноморска. И вам предоставляется прекрасный шанс избавить от них Фрадштадт.

– Естественно, подозрение при этом не должно пасть на подданных короля Георга! – с важным видом вставил словечко Хаксли. При этом доселе невозмутимый полковник Гринвуд не уследил за своим лицом и позволил нервно дернуться уголку губ – ох, не одному Олстону не нравится молодой лорд!

– Я думаю, – Вулбридж неторопливо стряхнул пепел в малахитовую пепельницу, – что это должны сделать силирийцы, желающие отомстить Таридии за смерть своего правителя.

Вон оно как. Значит, Джон был прав и великий князь Богдан умер не вдруг, а потому что это понадобилось Короне. Циничный прагматизм – Фрадштадтским островам не нужно чрезмерное сближение континентальных государств.

– Гринвуд введет вас в курс дела, Джон, надеюсь, всё будет сделано в лучшем виде. Как всегда, – глава службы дал понять, что разговор окончен. Причем у Олстона сложилось мнение, что сделал он это, чтобы поскорее избавить сотрудников от общества Хаксли. Что ж, тоже интересный факт, нужно принять к сведению.

Общение с Гринвудом было сугубо деловым: никаких симпатий или антипатий, никаких обсуждений начальства. Всё только по делу. Потом была небольшая суета подготовки и быстрые сборы привычного к такой жизни агента, так что спокойно осмыслить происходящее удалось только на борту фрегата «Коннор», увозившего Олстона обратно к берегам Таридии.

Избавляться от столь высокопоставленных особ Джону еще не приходилось, тем не менее задача не казалась слишком сложной – школа у него хорошая, а намеченные в жертвы объекты являлись закоренелыми романтиками, пренебрежительно относящимися к собственной безопасности. Не в силу недалекого ума или отчаянной бесшабашности, а единственно по причине своеобразного восприятия мира. Логика у таких людей заключается в том, что если они сами не способны на вероломство по отношению к врагу, то считают, что и враг будет играть по тем же правилам. А это очень большая ошибка. Игра действительно ведется по правилам, но эти правила, по сути, сводятся к одному-единственному постулату: если ты становишься врагом Фрадштадта, то ты должен умереть.

Чем руководствовались эти молодые талантливые люди, становясь поперек дороги у самого могущественного королевства мира? Да ничем. Они и не помышляли наносить вред Островам, заботясь лишь о благосостоянии своей страны. Беда в том, что этим самым они одновременно наносили вред Фрадштадту, так что судьба их была предопределена в тот самый момент, когда они ступили на путь укрепления таридийской армии и флота.

Особенно это касается флота. Можно даже с уверенностью утверждать, что точка невозврата преодолевается именно в момент принятия решения о строительстве собственного военного флота. Полковник Гринвуд сообщил Олстону добытые разведкой сведения о закупке у Криола двух линейных, пяти бомбардирских кораблей и трех фрегатов, а также о подходящей к завершению работе по переделке восьми непрофильных судов в бомбардирские на верфях в Южноморске. Была еще неподтвержденная информация о строительстве закрытого дока и закладке нескольких военных кораблей на стапелях верфи в Мерзлой Гавани. Для серьезной конкуренции с Островами объемы смехотворные, но чересчур резвый старт. Если так пойдет и дальше, то лет через восемь-десять у Короны могут возникнуть проблемы на море. А большая доля в создающемся флоте бомбардирских кораблей наводит на серьезные размышления о правдивости слухов о наличии новых орудий. Иначе с чего бы такой упор на плавучие батареи?

А тут еще расследование исчезновения нескольких мастеров-зеркальщиков вместе с семьями вроде бы стало указывать на таридийский след в этом деле, так что претензий к северному соседу у Короны накопилось уже порядочно. В общем, таридийские господа приговор подписали себе сами. И капитан Олстон без всяких сожалений приведет его в исполнение. Тем более что эта миссия

должна стать для него «золотой» – лорд Вулбридж обещал за нее солидное денежное вознаграждение, достаточное для покупки собственного поместья на морском побережье, а также повышение в звании и возможность перехода из полевых агентов на штабную службу. Более чем весомый аргумент.

На этот раз капитан решил не рисковать и высадился на берег в безлюдном месте километрах в двадцати восточнее Южноморска. Фрегат сразу ушел в море, чтобы не маячить в пределах видимости с суши. Он будет каждый день с наступлением сумерек возвращаться и высматривать сигнал к эвакуации.

Со следующим пунктом плана вышла небольшая проблема. «Надежный человек», оказавшийся местным контрабандистом Иваном, встретил Джона крайне неприветливо. Деньги за содействие после недолгих размышлений всё-таки взял, но заявил, что впредь не сможет оказывать подобные услуги из-за слишком большого внимания, оказываемого нынче побережью пограничной стражей и Сыскным приказом. Олстон справедливо рассудил, что его эта ситуация не касается – важно, что ему окажут помощь, а дальше уже пусть другие агенты договариваются. Лично он рассчитывает больше никогда не ступать на таридийскую землю. По крайней мере, в качестве полевого агента.

Иван предоставил в распоряжение фрадштадтцев стоящий на отшибе и имеющий скрытые пути подхода лодочный сарай и показал кратчайший путь к усадьбе графа Измайлова и деревне Юзовке. Последняя была интересна тем, что являлась местом проживания повара Семена Левашова и его семьи.

Два дня Олстон с двумя помощниками-соплеменниками потратил на изучение местности, в то время как четверо наемников бездельничали в лодочном сарае. В боевую группу вошли сплошь уроженцы континента, в разное время и по разным причинам обосновавшиеся на фрадштадтских островах. Вроде бы даже среди них был таридиец, но капитану было на это наплевать – главное, чтобы дело свое знали. Наемникам был выдан небольшой аванс в силирийских кронах. Проявившим же недовольство наемникам по этому поводу объяснили, что ни один предмет в случае непредвиденных обстоятельств не должен указывать на принадлежность команды убийц к Островам. Потому и оружием их снабдили с заграничными клеймами.

На четвертый день в имение Измайлова пожаловали высокие гости. К тому времени повар уже был обработан и под страхом расправы над семьей вынужден был принять правила игры. В качестве же пряника повару пообещали

заплатить пять тысяч рублей – с такими деньгами он мог спокойно увезти семью хоть на край света. Определенные сомнения насчет этого человека у Джона были, но тут уж приходилось доверять наработкам начальства. Спустя два-три часа после ужина жертв должен был убить яд. Но наемники этого не знали, они шли решать вопрос самостоятельно, вооруженные силирийским оружием и с силирийскими деньгами в карманах. Доберутся они до цели – хорошо, не доберутся – тоже не беда, дело будет сделано, а «силирийский след» надолго, если не навсегда, собьет с толку следователей.

У Олстона не было возможности удостовериться в применении яда, но дверь черного хода кухни его невольный подручный открыл, хотя и позже, чем ожидалось. С сопровождавшим его солдатом охраны наемники расправились быстро и аккуратно, повару же капитан лично вручил причитающуюся сумму и отправил домой. Правда, далеко ему уйти не удалось – на окраине леса его встретили помощники Джона и помогли исчезнуть с лица земли. Пусть Сыскной приказ поищет.

Наемники проникли внутрь усадьбы, а капитан Олстон с присоединившимися к нему помощниками остался на своем наблюдательном посту. Минут сорок всё было тихо, как и полагалось по плану. А вот потом всё переменилось: раздались крики, шум разбитого стекла, в окнах графского дома загорелся свет, по двору забегали солдаты охраны царевича.

– Уходим! – скомандовал Олстон.

– Но как мы узнаем результат? – спросил один из помощников по фамилии Милнер.

– Это моя забота, – отрезал капитан, – сейчас находиться в окрестностях станет опасно для кого бы то ни было.

Фрадштадтцы спустились на берег моря, в условленном месте развели костер, и спустя час всех участников акции, кроме Олстона, забрала шлюпка с «Коннора». Капитан же провел остатки этой ночи, прячась среди прибрежных скал. Велико же было его разочарование, когда утром в подзорную трубу он разглядел на беленой стене конюшни жирный знак «минус», нарисованный углем. Это означало, что миссия не достигла намеченного результата и всё придется начинать сначала. Жаль, Джон считал, что задумано было вполне надежно и

изящно.

Однако что-то пошло не так. Возможно, повар повел-таки свою игру и не использовал яд, а бойцы не смогли пройти сквозь охрану. Детали были уже не так и важны. Олстон был раздосадован неудачей, но окончательно испортили ему настроение действия таридийцев, организовавших грамотное прочесывание окрестностей и обнаруживших тело несчастного повара. Еще один неприятный сюрприз.

Но и это были еще цветочки. Когда руководимые красномундирниками солдаты приступили к осмотру прибрежных скал, где разведчик устроил свой наблюдательный пункт, ему стало по-настоящему страшно. Впрочем, на этот раз обошлось: быстро наступившие сумерки спасли Джона от обнаружения. Так что этой ночью капитан Олстон испытал огромное облегчение, ступив наконец на палубу фрадштадтского фрегата.

Бросать начатое дело на полпути было не в его правилах, да и обещанная награда продолжала гнать вперед, поэтому он, пересев в море на первый встречный фрадштадтский торговый корабль, отправился-таки в Южноморск, где до поры до времени укрылся на территории торгового представительства.

Две недели спустя в Ивангороде, закончив чтение отчета южноморского отдела, руководитель таридийской контрразведки Петр Сергеевич Ольховский задумчиво потер покрытый трехдневной щетиной подбородок. Основной этап расследования по делу о покушении на жизнь наследника престола был проведен довольно быстро. Злоумышленники явно не рассчитывали на грамотную и слаженную, а потому и результативную совместную работу Сыскного приказа и контрразведки, да еще с привлечением армейских подразделений.

Довольно быстро в расположенном по соседству с усадьбой Измайловых лесу было обнаружено тело предателя-повара. Показания местных жителей навели следователей на контрабандиста Ивана Сайкина, предоставившего убежище семерым неизвестным иностранцам, появившимся за несколько дней до приезда к графу высоких гостей. Четверо были убиты в покоях царевича. Остальных, к сожалению, захватить не удалось – скорее всего, в ночь покушения их забрал курсировавший неподалеку военный корабль. Чей это был корабль, особо гадать

не приходилось, и, хотя показания рыбаков и крестьян в качестве доказательства не предъявишь, это лишний раз указывало на виновную сторону. И никакие попытки приписать этой истории «силирийский след» не могли сбить следствие с толку.

Открытым оставался очень важный вопрос о вражеском осведомителе внутри графского дома, ведь кто-то сообщил врагам об ожидающемся визите царевича Федора, а эта информация была известна весьма ограниченному кругу лиц. Тут уж возглавлявший расследование майор Кротов не стал мудрствовать лукаво, устроил обитателям поместья допрос с пристрастием и вывел на чистую воду управляющего имением Измайловых. Жаль, что эта информация чуть запоздала, потому что этот злодей ранним утром нарисовал углем на стене конюшни условный знак, сообщающий, что покушение не удалось. А поскольку фрадштадтский корабль подходил к берегу только по ночам, выходило, что еще целый день как минимум один вражеский наблюдатель продолжал прятаться где-то поблизости в прибрежных скалах.

По описанию контрабандиста штатные художники нарисовали примерный портрет предполагаемого организатора акции, с которым контактировал Сайкин. В кратчайшие сроки этот портрет старательно скопировали и разослали по всем городам царства. И каково же было удивление подполковника Ольховского, когда совсем скоро его сотрудники опознали в изображенном на рисунке человеке фрадштадтского «торговца», уже неделю проживающего на территории торгового представительства в Южноморске.

Схватить его прямо там значило бы спровоцировать большой скандал, тем более что прямых доказательств его вины не было и их бы пришлось добывать в пыточной. Будь в данный момент в столице царевич Федор или князь Бодров, можно было бы получить прямой приказ арестовать подозреваемого, ведь покушение на их жизни – это преступление сверхтяжкое и нуждающееся в быстром и показательном возмездии. Но царевич отбыл в Корбинский край, а князь отправился в Силирию вызволять из осады младшего сына таридийского государя. Брать же на себя решение вопроса такой важности Ольховский не мог, равно как не имел пока прямого доступа к монарху. Пришлось действовать через главу Сыскного приказа. Однако Никита Андреевич и сам энтузиазма по данному поводу не проявил, и Ивану Федоровичу доложил в соответствующем виде, так что приказа на арест не поступило.

Что ж, возможно, Ольховский чего-то не понимал, глядя на ситуацию только со своей колокольни, может, и вправду нельзя было делать настолько резких движений, как вторжение на территорию фрадштадтского представительства. Но, по крайней мере, контрразведчик сделал всё, что от него зависело. А раз уж нельзя было нарываться на международный скандал, то подполковник пока ограничился установлением круглосуточного наблюдения за нужным объектом. Тем более что никто ему не запрещал по-тихому схватить фрадштадтца, если тот выйдет в город.

6

– Миха, ты как себя чувствуешь? – проявил обеспокоенность моим состоянием Васька Григорянский.

Было семь часов утра, и наконец-то можно было расслабиться: все части разведены по местам и расквартированы для отдыха, все посты выставлены, разведка отправлена. Рану мою давно обработали и перевязали, пуля прошла по касательной, и полковой доктор заверил, что никакой опасности нет. Однако и совсем уж бесследно для меня ранение пройти не могло, плечо болело, и по ощущениям это было чем-то сродни последствиям от сильного удара палкой. Да и нервное напряжение, несмотря на всю мою уверенность в победе, никуда не делось, так что стоило только усесться в кресло и расслабленно вытянуть уставшие ноги к ярко пылающему камину, как усталость накрыла меня с головой. Глаза норовили закрыться, а мысли с трудом ворочались в голове… Фактически голос Григорянского выдернул меня из состояния полузабытья.

– Да могло быть и лучше, – я потянулся, сбрасывая с себя сонное оцепенение, – если бы Яблонец находился километров на двадцать ближе к нам.

Имелось в виду, что будь между Злином и Яблонцом вместо сорока километров двадцать, я бы, не останавливаясь, погнал войско дальше, к занятому улорийцами городу. Потому что двадцать километров – это четыре-пять часов ходу. И прекрасная возможность уже утром «осчастливить» врага своим появлением под стенами. К сожалению, до Яблонца все сорок километров, то есть целый дневной переход, да еще с поправкой на вступающую в свои права зиму.

– Господи! Благодарю тебя за то, что улорийцы так далеко! Не то бы этот сумасшедший выходец из холодных краев погнал меня на них без отдыха и сна! – князь картинно поднял руки, показывая, что обращается к небесам. Но быстро сменил тему: – Я сильно испугался, когда ты упал после выстрела! Думал – всё, сказочке конец, нет тебя больше…

– Мне легче, – невесело усмехнулся я, – я не успел испугаться. Ба-бах – удар в плечо, меня развернула невидимая сила и бросила наземь.

– Да уж. До сих пор не возьму в толк, как силирийцы умудрились просочиться сквозь наших солдат?

– Утверждают, что ничего особенного не делали. Просто невероятное стечение обстоятельств.

– Они, наверное, уже думали, что сумеют вырваться из крепости. А тут мы.

– Не повезло им.

– Когда Яблонец брать будем, дашь мне опробовать новые орудия в боевых условиях? – спросил безмерно переживающий за развитие артиллерии Григорянский.

– Боюсь, что снова нет, – я вынужден был разочаровать товарища, – хочу по максимуму использовать фактор неожиданности. Иначе потеряем много времени. Но если что-то пойдет не так, то непременно в ход пойдут новые гаубицы. Обещаю.

К великому моему сожалению, в прошлой жизни, будучи еще Сергеем Прохоркиным, я совершенно не интересовался ни артиллерией в частности, ни оружием вообще. Не связана была моя жизнь с огнестрелом. Стрелять-то из автомата Калашникова когда-то приходилось, не говоря уже о «мелкашке» и пневматике, но одно дело – уметь пользоваться готовыми вещами, и совсем другое дело – уметь их делать. Да и здесь особо не было у меня времени изобретениями и усовершенствованиями заниматься. Сами посудите: то война, то свадьба, то препирательства с Глазковым и инквизиторами, да в перерывах еще нужно успевать реформы Федора подталкивать и обустройством Холодного Удела заниматься. Но, как ни крути, оружейные дела имели огромную важность

и для страны, и для меня лично – чем больше будет у Таридии преимуществ перед врагами в вооружении, тем больше будет побед, а чем больше будет побед, тем выше будет престиж военачальников.

Хотя мое положение в новом мире и значительно укрепилось, но недоброжелатели тоже не дремлют. Их усилия не могут увенчаться успехом, пока я в фаворе у царской семьи. Однако не дай бог что-то случится с царевичем Федором – и, боюсь, тогда младший Соболев не сможет меня защитить, а старший быстро поддастся нашептываниям своего друга детства Глазкова. А если я еще к тому же и военные кампании начну проигрывать, то вообще катастрофа, скушают меня.

Сейчас-то Никита Андреевич только глазами зыркает, словесные шпильки вставляет да всё протоинквизитора против меня науськивает. Тот и выдает на-гора возмущенные заявления: то учебные заведения дьявольскими вертепами объявит, то привлекаемых к преподаванию ученых богохульниками назовет, то создание мануфактур заклеймит богопротивным делом. Уже и митрополит его осаживал, и царевич Федор увещевал, а тому все неймется. Невзлюбил меня отец Пафнутий с того самого раза, когда я чудом инквизиторских подземелий избежал. Сейчас вот к воздушному шару прицепился – негоже, говорит человеку летать, гордыня это, а гордыня от нечистого. Ну, ничего, есть у меня мысль, как и на этот раз оставить его с носом.

В общем, церковью тоже волей-неволей приходилось заниматься. А на оружейников совсем мало времени оставалось. Насколько мог, я подталкивал наших оружейников на работу в направлении бездымного пороха, единого патрона и улучшения конструкции стрелкового оружия и артиллерии. Под это дело даже свел их вместе с металлургами, химиками, математиками и заставил всех работать в одной упряжке. Уверен, что толк от этого будет. Да он уже есть – ведь посредством налаживания производства собственного пороха на царской мануфактуре удалось добиться унификации продукта. Также огромным плюсом стал переход от производства порошкового пороха к гранулированному, да еще начали фасовать его в бумажные картузы. То есть теперь мы мало того, что имели порох, качественные характеристики которого не менялись от партии к партии, так еще и ввели его заряжание заранее отмеренными на мануфактуре порциями. Это дало весомое увеличение частоты стрельбы, что у пехоты, что у артиллерии. Соответственно, мы теперь могли уверенно использовать постоянство характеристик пороха для расчетов по дальности стрельбы. Также удалось улучшить качество бомб и гранат.

Впрочем, для артиллерии у меня все-таки нашлась парочка идей, касающихся изменения в конструкции самих орудий. Я позаимствовал у истории идею длинных гаубиц, именовавшихся в России «единорогами». Идея состояла в том, что форму зарядной каморы заменили с цилиндрической на коническую. Такая форма обеспечивала наилучшую центровку снаряда, улучшала баллистику, а также позволяла быстрее заряжать орудия. Кроме того, это позволило увеличить длину ствола и, как следствие, дальность стрельбы. Помнится, что данное изобретение позволяло русской артиллерии около двадцати лет быть лучшей в Европе.

Еще одно нововведение касалось механизма вертикальной наводки. В это трудно поверить, но вертикальная наводка орудий производилась посредством подкладывания деревянных клиньев разного размера! Мимо такого безобразия пройти было просто нельзя, так что довольно быстро наша артиллерия получила винтовые подъемные механизмы.

Ну и, для удобства прицеливания, на стволах орудий появились мушки.

Поскольку забот у меня действительно было очень много и уделять достаточно времени артиллерии я не мог, всё бремя управления оружейной темой взвалил на себя князь Григорянский, оказавшийся просто-таки фанатом этого дела. Он дневал и ночевал в Кузнецке и постоянно мотался в Холодный Удел на горный полигон, чтобы лично участвовать в испытательных стрельбах. Кроме того, Василий Федорович не уставал выбивать ассигнования на учебные стрельбы, в результате чего в данный момент таридийские артиллеристы уже точно являлись самыми стреляющими в мире.

Но стрельбы стрельбами, а реальные боевые условия – это уже совсем другое дело. Вот и проявлял Григорянский плохо скрываемое нетерпение. Я тоже жажду посмотреть новые орудия в бою и очень надеюсь, что их действенность станет неприятным сюрпризом для наших врагов. Но так уж получилось, что сейчас у нас больше не война, а спасательная операция, и если есть хоть какие-то шансы застать врага врасплох, то нужно их использовать. Так что сначала я попробую появиться под стенами Яблонца неожиданно и обойтись без долгих осад и артиллерийских дуэлей. Всё это вкратце я и поведал слушавшему меня с кислой миной Григорянскому.

– То, что ты задумал, очень рискованно. Растянем армию на десятки километров, станем уязвимы. Я предлагаю не форсировать события, подойти компактно, всей

армией, обложить Яблонец, подавить крепостную артиллерию и принудить город к сдаче.

– И сколько времени это займет? Неделю? Месяц? Я бы предпочел вообще пройти мимо города, если бы была уверенность, что улорийцы не тронут нас ни по пути к Орлику, ни обратно. Но верить им мы не можем, и ситуация, когда впереди нас окажутся осаждающие Орлик местные бояре, а позади подданные короля Яноша, нас не устраивает. И заблокировать генерала Пищака в Яблонце мы не можем, поскольку силы примерно равны, разделим армию – сами себя под удар подставим. Кстати…

Кстати, у нас сейчас чуть не полтысячи пленных силирийских солдат. Так почему мы должны держать их в застенках, тратя силы и средства на охрану, если в соседнем силирийском городе засел наш общий враг?

Пораженный до глубины души простотой этой случайно пришедшей мне в голову мысли, я вскочил на ноги. Правда, тут же пожалел об этом, ибо резким движением потревожил стрельнувшее болью плечо.

– Иванников! – крикнул я и, дождавшись появления в дверях секретаря, добавил: – Тащи сюда командира гарнизона!

– Миха, – князь Василий скептически покачал головой, – мы не можем им доверять.

– Солдаты пойдут за своим командиром, – возразил я, – не за этим, так за его заместителем. Улорийцы для нас общий враг. Вот и разрешим им после взятия города поднять над ратушей флаг Силирии.

– Слушай, Бодров, как тебе в голову приходят подобные мысли? Так никто не делает, это против всяких правил!

– Да всё тут по правилам, Вася, просто по другим правилам.

Переговоры с подполковником Шмицером увенчались успехом. Несмотря на то, что поначалу силириец возмущенно фыркал, отчего-то обвинял нас в вероломстве и пару раз, демонстративно глядя в сторону, произнес явно

предназначавшуюся мне фразу «дьявольское отродье», в итоге выгоды предложения перевесили всё его недовольство. Ну, в самом деле, кем он являлся сейчас? Неудачником, не сумевшим удержать неприступную крепость. А кем он будет в случае взятия Яблонца? Освободителем и победителем улорийцев. Чувствуете разницу? Тем более что возврат города под власть ослабевшего силирийского трона произойдет в то время, когда большинство важных персон княжества заняты междоусобицей, а не защитой независимости. Так что пришлось Григорянскому в очередной раз признать мою правоту.

На следующий день выступили в поход около десяти часов утра. Широким веером на много километров вперед рассыпалась войсковая разведка. Это обеспечит нам достаточное время для реакции на любой ход противника. Со времени того самого ночного происшествия перед Грушовской битвой, когда мой отряд едва не угодил в устроенную улорийцами западню, я предпочитал полагаться исключительно на глаза и уши своих разведчиков, не доверяя никаким сведениям от посторонних, слухам, сплетням и народным приметам. Все решения принимались только после доклада разведки.

Основная часть войсковой колонны состояла из первого, второго и третьего Белогорских пехотных полков и клинцовских гусар. Далее следовали силирийцы Шмицера, Кузнецкий драгунский полк, сводная артиллерия, инженерный батальон, обоз и пехота первого Зеленодольского полка. Для охраны Злина была оставлена всего одна пехотная рота. С таридийской территории никто крепости не угрожает, с силирийской стороны любая угроза должна сначала преодолеть наше сопротивление.

Передовая пехота шла на лыжах при минимуме боеприпасов и суточном пайке, всё лишнее было сдано в обоз. Белые маскхалаты уже не были диковинкой, и я имел возможность одеть в них все три имеющихся под моим началом полка, получивших усиленную зимнюю подготовку.

Три лыжных полка – это сила. По крайней мере, в части устройства утоптанной зимней дороги. Если разведка и авангард армии вынуждены были двигаться по целине или по припорошенной свежим снегом узкой дороге, то середина и арьергард шли уже по хорошо набитому тракту.

С самого утра было пасмурно и не очень холодно, градусов семь-восемь мороза. Иногда налетали резкие порывы ветра, продолжал срываться снежок. Пока терпимо, но были большие подозрения, что в ближайшее время погода может

испортиться.

К сожалению, так и произошло. Сразу после полудня снегопад многократно усилился, а порывы ветра становились всё чаще и продолжительнее. Видимость ухудшилась, в связи с чем я приказал убрать разведку с флангов и снизить до минимума расстояния между передовыми дозорами. В Нижней Вилковице не найдется второй сумасшедшей армии, решившейся вести боевые действия в такую погоду. Поэтому атаковать нас с флангов просто некому и нет никакой необходимости в риске потерять людей в надвигающейся метели.

К четырем часам дня, когда я приказал устроить запланированный привал, вокруг уже бушевала полноценная вьюга. Видимость упала до десятка метров, и во весь рост встал вопрос о целесообразности дальнейшего движения. С каждой минутой вероятность потерять укрытую наметенным снегом дорогу становилась всё выше, а до цели всё еще было далеко.

Компас мог с уверенностью сказать лишь то, что север находится слева от нас. Направление движения у меня было задано по силирийской карте, точность которой вызывала большие сомнения, дорога много раз виляла, и ни к одному ориентиру привязаться было невозможно ввиду отвратительной видимости. Что делать? Продолжать тупо двигаться на восток? И ведь хуже всего, что на меня все смотрят с надеждой, ожидают уверенного поведения и верных решений!

На этот раз пронесло. Меня спас посыльный от командира первого Белогорского полка полковника Волкова, принесший весть, что аванпосты всё еще видят дорогу и потому хорошо бы сократить срок привала до минимума. Что ж, из нескольких зол принято выбирать меньшее – люди устали, но страх заблудиться и погибнуть в снегах чужой страны заставлял, сжав зубы, продолжать движение вперед.

Армия снова двинулась в путь, сквозь снег и ветер, а я приказал отправить к Волкову нескольких силирийцев, хорошо знакомых с местностью. В условиях такой видимости любой опознанный ими ориентир может повлиять на ход всей кампании. Скорость движения сильно упала, но худо-бедно мы продолжали тащиться вперед почти до семи часов вечера, когда перед непогодой спасовали и разведчики и проводники.

С тяжелым сердцем я направился к авангарду. Пошел просто чтобы пойти, не стоять на месте, ловя на себе обескураженные вопросительные взгляды. Что-то нужно делать, как-то спасать положение. Но как? По пути пытался подсчитать пройденное расстояние, яростно отгоняя настойчиво лезущие в голову параллели с Иваном Сусаниным. Что у нас получается? Шесть часов мы двигались вполне бодро, я бы даже сказал, что это было чуть быстрее среднего, то есть прошли тридцать с лишним километров. Затем еще три часа тащились медленно, километра два-три в час. В итоге выходило, что пройдено примерно от тридцати шести до сорока километров и проклятый Яблонец должен быть где-то совсем рядом.

– Что, Петр Борисович, плохи наши дела? – наклонив голову к голове полковника, громко спросил я, стараясь перекричать шум ветра.

Хорошо еще, что Федор фактически отдал на мое усмотрение реформирование зимнего обмундирования армии. Те нововведения, что я применил на свой страх и риск, да и практически за свой счет, при атаке на военные склады короля Яноша, настолько впечатлили главу Воинского приказа, что мне был выдан карт-бланш на дальнейшее развитие этой темы. Слово царевича избавило меня от многих бюрократических проволочек и ненужных споров с напыщенными сановниками, ставившими во главу угла красоту мундира и соответствие его моде соседних государств вместо удобства в быту и практичности на поле боя. Они обиженно пыхтели, писали доклады и жалобы, но вследствие недалекости ума делали это весьма примитивно, и Федор Иванович, к которому вся эта писанина ложилась на стол, просто отправлял ее прямым ходом в печь. Немногим хуже было то, что вокруг этих фанфаронов крутилось несколько ушлых дельцов, зарабатывавших деньги на армейских заказах. Эти жаловались изощреннее, пытались приплести в мои действия и жажду личного обогащения, и политическую подоплеку, а круг их адресатов был гораздо шире: от глав всех приказов до канцлера и государя. Дошло до того, что утомленный этими пасквилями царь-батюшка на одном из приемов громогласно заявил, что вопрос снабжения армии находится полностью в ведении Воинского приказа, то есть признал мою правоту. После этого напряжение спало, но я точно знал, что незабвенный Никита Андреевич Глазков бережно подшил в мою папочку энное количество жалоб, составленных на его имя.

В общем, начал я с зимней амуниции территориально близких мне пехотных полков, формировавшихся на севере Таридии: Белогорских и Зеленодольских. Вот благодаря этому мы сейчас были одеты в зимнюю походную форму, которая

гораздо лучше сохраняла тепло и меньше сковывала движения относительно обычного мундира. И именно потому, в целях улучшения слышимости, нам с Волковым сейчас приходилось разговаривать, оттягивая укрытое белым капюшоном маскхалата ухо диковинной для этого мира шапки-ушанки.

– Яблонец где-то совсем рядом, – почти прокричал в ответ полковник, – минут сорок, может, чуть больше, как миновали небольшую рощу. Силирийцы сказали, что от нее до городских посадов всего два-три километра.

– Нужна разведка! – сообщение Волкова вновь возродило во мне почти уже угасшую надежду.

– Люди могут потеряться! Очень тяжело держать направление!

– Веревки! Я прикажу доставить из обоза веревки! По ним разведчики смогут вернуться!

Все прекрасно понимали, что время играет против нас. Если в ближайшие часы не удастся обнаружить противника, то выбившаяся из сил армия просто поляжет в снегах чужого края. А кроме всего прочего, войско сильно растянулось в пути, так что даже доставка веревок из обоза заняла не менее часа. Страшно подумать, к каким последствиям может привести необходимость неожиданно вступить в бой – авангард может просто не дождаться помощи от ничего не ведающих о происходящем поотставших частей. Так что следующие полтора часа я спешно подтягивал к голове походной колонны середину и арьергард армии.

Снова широким веером разошлась наша разведка. Задача у нее непростая: нужно не только не заблудиться и найти противника, но и сделать это осторожно. По имеющейся информации, часть улорийской армии расквартирована в расположенном вне городских стен посаде, потому был высок риск случайно наткнуться на часовых противника и, тем самым, раньше времени переполошить всё вражеское войско.

Ждать пришлось мучительно долго. Уже не было сил пританцовывать на месте в тщетных попытках согреться, а мозгом постепенно овладевало усталое безразличие. Если результата не будет в ближайшие полчаса, то придется срочно разбивать походный лагерь прямо на этом месте. Люди нуждаются в

защите от непогоды, тепле и горячей пище. Хорошо, что у нас в обозе для этого имеется всё необходимое, только вот еще немного – и у солдат не останется сил даже на устройство лагеря. Так что всё: еще полчаса – и конец похода на сегодня. Будь что будет. Даже если с окончанием метели окажется, что мы стоим в каких-то пятистах метрах от неприятеля – плевать. Лучше потерять преимущество фактора неожиданности, чем потерять армию.

Но удача была на нашей стороне, не зря говорят, что она любит смелых и дерзких. И сумасшедших…

– Михаил Васильевич, есть город! – ко мне подбежал радостный командир передового полка. – Мы чуть мимо него не прошли!

– Пленного взяли? – я кивнул в сторону разведчиков, тащивших за собой какого-то человека в длинном тулупе и пуховом платке, повязанном поверх треуголки.

– Так точно! – проорал один из солдат. – Столкнулись с ним нос к носу, да он совсем не готов к встрече оказался, напялил на себя всё, что смог найти, только бы не замерзнуть в карауле.

– Что там?

– На улице никакой активности, в трех кабаках гулянки с участием улорийских солдат, остальные по домам местных жителей расквартированы.

– Узнайте у него, – я снова кивнул в сторону пленника, – сколько всего солдат в посаде?

– Говорит, что сначала был целый пехотный полк, но постепенно все офицеры, а потом многие унтеры и солдаты-ветераны стали уходить на ночь в город. Поначалу все возвращались по утрам, но сейчас уже многие приходят только в дни заступления в караул. Бардак, короче говоря, начался. Так что реально не больше пяти сотен по эту сторону стен.

Понятно. Бардак – это хорошо, когда не у нас. Яблонецкий посад еще не успел разрастись во все стороны, дома пока ютятся только со стороны долины, в гору не лезут. Так что площадь пока невелика, хуже было бы, если вокруг всего

города успели жилые кварталы построиться. Тогда бы пришлось зачистку посада оставлять на потом. А так – справимся одновременно со взятием стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/evdokimov_dmitriy/drugie-pravila

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити